

"Игры молодых волков. Первый и последний (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

mir-knigi.org

Игры молодых волков. Первый и последний

<http://ficbook.net/readfic/2604917>

Автор: novel2002 (<http://ficbook.net/authors/187892>)

Беты (редакторы): Кошарик

Фэндом: Ориджиалы

Рейтинг: PG-13

Жанры: Слэш (яой), Ангст, Драма, Повседневность

Предупреждения: Смерть персонажа

Размер: Миди, 33 страницы

Кол-во частей: 5

Статус: закончен

Описание:

Несправедливо считать, что встреча успешного бизнесмена и искреннего талантливого юноши приносит сильные переживания лишь последнему. Ведь у него впереди еще целая жизнь, полная грандиозных открытий, а бизнесмен уже немолод, опытен и циничен, он знает цену настоящей любви и готов оплатить ее в полной мере.

Посвящение:

Кто знает, тот поймет.

Публикация на других ресурсах:

Только с разрешения автора

Примечания автора:

Те, кто читал "Симфонию Максима", уже знают конец этой истории. Те же, кто не читал - читайте эту историю, как отдельный рассказ, просто смотрите предупреждение. История довольно тяжелая. В ней нет насилия, в ней нет секса, но эмоции персонажей иногда просто захлестывают через край.

==== Часть 1 =====

<center>***</center>

В коридорах спорткомплекса было людно. Густав морщил нос, когда пробегающие мимо него подростки возбужденно галдели, чуть ли не срываясь на крик от восторга, спорили, кто из выступивших бойцов лучший и чья школа получит приз этих соревнований. От пульсирующей

частыми, постепенно нарастающими ударами головной боли его немного отвлекало созерцание полуобнаженных молодых бойцов, гордо фланирующих у входа в зал. Те все были, как один, молчаливы, серьезны и сосредоточенны. Поглядывали на будущих соперников исподлобья, но как истинные хладнокровные воины не пытались все решить в нечестном бою до начала выступлений. Весь этот бедлам, который официально назывался «городской турнир по боевым искусствам», неимоверно раздражал. Густав желал сейчас лишь одного - как можно скорее добраться до своей машины и покинуть это шумное место, чтобы насладиться тихим вечером в ресторане вместе с очередным смазливym пареньком из записанного в один из его телефонов обширного списка потенциальных любовников.

- Извините, что сегодня у нас так... оживленно. Вы же сами понимаете - молодежь, да еще и такая воинственная, ну и вот...

Аркадий - директор спорткомплекса - семенил рядом с Густавом. Заискивающе заглядывал ему в лицо и бросал на пробегающих мимо парней злобные, способные изгнать даже нечисть, а не то что детей, взгляды.

- Ничего! - равнодушно обронил Густав. - Через месяц, когда договор вступит в силу и этот спорткомплекс перейдет в мою собственность, я планирую сделать здесь закрытый спортивный клуб, куда детям ход будет заказан. Так что скоро вы будете избавлены от этого гама.

- Да-да! Я очень благодарен вам, Густав Альбертович, что вы обратили свое благосклонное внимание на наш спорткомплекс. У нас ведь очень хорошая база, и здание расположено практически в самом центре города. Вы не пожалеете об этом приобретении. Поверьте мне!

- Я очень на это надеюсь! - вымолвил Густав. Поднял раздраженный взгляд, моргнул и, замедлив шаг, полностью остановился.

Аркадий продолжал что-то бормотать рядом с ним, но Густав уже не слушал его. Он смотрел на двух мужчин, стоящих на углу широкого коридора, который вел в зал, где проводились соревнования.

Один из них - на вид лет тридцати - атлетического сложения, с бугрящимися под тонким свитером мышцами рук и длинными, заплетенными в косу волосами что-то втолковывал своему молодому собеседнику. Уверено нарезал твердой бойцовой ладонью воздух, говорил негромко, так, что его слов не слышал никто, кроме вытянувшегося перед ним в струнку парня. А тот - должно быть, еще несовершеннолетний - темноволосый и худощавый, с растрепанными шелковыми кудрями, не отрываясь, серьезно смотрел на взрослого мужчину. Пожирал его глазами, внимал речи старшего так, как будто ему в этот момент снисходило божественное откровение.

Одет парень был лишь в спортивные штаны, и Густав имел прекрасную возможность рассмотреть его безволосую рельефную грудь с острыми вершинами кофейных сосков, длинную, довольно изящную для бойца шею и крепкие, такие же жилистые, как и у его старшего товарища, руки.

Сказав что-то напоследок, атлет хмыкнул, растянув губы в легкой усмешке, и мальчишка, кивнув в ответ, мгновенно покраснел от смущения и расплылся вслед за старшим в счастливой и невероятно обаятельной улыбке.

Густав задержал дыхание, когда до него дошел весь смысл этого открытого проявления чувств. Мальчишка, похоже, был влюблен в мускулистого мужика, и эта наивная юношеская влюбленность сквозила в каждом его жесте, в изгибе губ и сиянии глаз.

Густав с трудом смог оторвать взгляд от этой парочки и обернулся к своему помощнику, терпеливо топчущемуся за спиной Аркадия.

- Узнай, кто эти двое, - распорядился он, указав подбородком на бойцов.

Молчаливый помощник кивнул и направился в зал - к трибуне, где заседал комитет этих соревнований, - а Густав снова уставился на бойцов. Те, правда, еще немного посоветовавшись, тоже потянулись в зал, и Густава, как будто на привязи, потащило следом за ними. Наплевав на все и вся, он устроился на одном из неудобных пластиковых сидений ближайшей к выходу трибуны и стал заворожено наблюдать за тем, как разминается перед выступлением заинтересовавший его парень.

Тот гнулся - гибкий и грациозный, как дикий кот, лениво потягивающийся на ветви дерева. Его развитые мышцы при каждом движении плавно перекатывались под едва успевшей загореть золотистой кожей. Вокруг шумели, кричали, награждали овациями победителей, но Густав чувствовал себя охотником, засевшим в засаде и выслеживающим в тропических, полных влаги лесах Экваториальной Африки молодого хищника - представителя редкого вида семейства кошачьих - золотистую африканскую кошку.

Запропастившийся куда-то помощник вернулся как раз тогда, когда у Густава начало заканчиваться его охотничье терпение, и он уже намеревался сам подойти к парню и прямо спросить его имя.

- Я все разузнал, - отчитался застегнутый на все пуговицы, собранный и деловитый ассистент. - Старший мужчина - тренер - Назар Синаев, а младший - его ученик - Максим Мальцев. Мальцев сегодня будет выступать на соревнованиях как лучший ученик своей школы.

- Максим, значит, - пробормотал Густав, провожая взглядом своего уже ступившего мягкими лапами на татами кота. - Красивое имя.

<center>***</center>

Распровавшись с Назаром Григорьевичем у метро, уставший донельзя Максим поковылял в сторону троллейбусной остановки. Город окунулся в прохладу летнего вечера, и ее свежесть мягко обволакивала натруженные после усиленных нагрузок мышцы, ласкала взопревшую кожу легкими прикосновениями. В вязкой густоте сумерек огни витрин и вывесок казались особенно яркими и сильно слепили утомленные глаза, заставляя Максима жмуриться и отводить взгляд.

Ужасно хотелось спать. Хотелось упасть прямо тут, посреди улицы, и захрапеть так, чтобы услышали жильцы ближайшего дома. Но сначала было просто жизненно необходимо принять душ, чтобы смыть с себя бесконечную усталость этого насыщенного событиями дня. Затем предстояло намазать особенно заметные синяки на теле специальной мазью, которую Максиму дал Назар Григорьевич. И только после этого он мог забраться под одеяло, закутаться в него с головой и в преддверии сна вспоминать.

Вспоминать весь этот тяжелый, но такой интересный день, своих соперников и их наставников, которые, обсуждая с Назаром Григорьевичем технику Максима, умудрено кивали головами и пытливо смотрели наставнику в глаза, пытаясь разгадать по малейшему изменению в выражении его лица тайну успеха чужого ученика. Если Максим давал себе труд приглядываться к этим опытным мастерам, он видел в их глазах легкую, хорошо завуалированную показным безразличием зависть, и это приятно согревало сердце и неимоверно поднимало его боевой дух. Максим считал своего наставника самым лучшим и был

горд тем, что является его учеником. И во всем, даже в мелочах, старался быть достойным его учения.

Конечно, ему еще было чему поучиться. На этих соревнованиях он получил пока только второе место и поначалу сильно расстроился, хоть и старался не показывать собственного разочарования. Но Назар Григорьевич... Назар улыбнулся ему одной из своих редких, но таких искренних улыбок и сказал, что гордится им. Большой награды Максиму было и не нужно.

- Добрый вечер, Максим! – отвлекая от воспоминаний, негромко констатировал спокойный голос.

Максим вздрогнул и обернулся.

Рядом, приспособившись к его шагу, шел уже немолодой, но внешне довольно подтянутый мужчина. Пиджак его строгого темно-серого делового костюма облегал стройную худощавую фигуру и был расстегнут, демонстрируя миру синюю рубашку и поблескивающий тончайшими серебряными нитями галстук. Темные, с легкой проседью волосы были зачесаны назад и аккуратно уложены.

Неприязненно оглядев мужчину с ног до головы, Максим вынужден был признать, что тому шла и эта благородная седина, и этот явно недешевый костюм, и даже мерцающий серебром галстук. Все это идеально гармонировало с его холемым породистым лицом, хотя, положив руку на сердце, писаным красавцем назвать мужчину было нельзя. В общем, выглядел он, как чуть утомленный жизнью респектабельный бизнесмен, и, насколько знал Максим, такие люди обычно не имели привычки просто так заговаривать на улице с незнакомыми людьми.

Общаться с этим франтом ему сейчас хотелось в самую последнюю очередь, но правила приличия требовали ответить на приветствие, поэтому Максим подпернул сползающую с плеча спортивную сумку и согласно кивнул:

- Добрый!

- Меня зовут Густав, – представился ободренный его неразборчивым бурчанием мужчина. - Так получилось, что я присутствовал сегодня на соревнованиях в «Орионе» и мне посчастливилось увидеть твоё выступление.

Максим глянул на него еще более настороженно, чем прежде.

- И что? – без интереса спросил он.

Подошвы Максимовых кроссовок тихо скрипели, царапая асфальт, а рядом беззвучно попирали землю кожаные туфли бизнесмена.

- Ты понравился мне, – проронил Густав.

- Вы хотите, чтобы я выступал за вашу школу?

Этого можно было ожидать. К нему и раньше подкатывали представители различных школ и клубов. Пророчили большое будущее в спорте и предлагали перейти под их опеку. Внимательно выслушав их предложение, Максим обычно вежливо отказывался. Он никогда не ассоциировал свое будущее со спортом и школу Назара Григорьевича посещал лишь для собственного удовольствия. Выступал он тоже только для того, чтобы немного потешить свое тщеславие. Ну и конечно, чтобы получить предназначенную лишь ему одному скупую улыбку

радующегося успехам ученика Назара.

Густав молчал, и Максим отвлекся на витрину нового магазина молодежной одежды, появившегося здесь недавно и еще не успевшего примелькаться.

- Нет, я не представитель школы, - ответил Густав, когда Максим засмотрелся на надетые на манекен рваные джинсы. - Я просто хотел бы познакомиться с тобой поближе.

Максим сморгнул и угрюмо сдвинул брови. Такие предложения тоже поступали пару раз, но и на них он так же вежливо отвечал отказом. Знал, что многие считают его красивым, хотя сам не видел в себе чего-то такого уж особенного. А когда пристально изучал себя в зеркале, так вообще видел, что у него и глаза вроде как немного разной формы, и нос какой-то чуть заостренный. А вот губы - да! - действительно были очень даже ничего. Девчонки обычно на них первым делом и пялились.

- Простите, но меня это не интересует, - покачал Максим головой и, повернувшись к собеседнику, предостерегающе посмотрел Густаву прямо в глаза, чтоб тот понял, что лучше не настаивать, и отвалил побыстрее.

- Ну, возможно, лично я тебя и правда не интересую, - безропотно согласился тот. - Но... через секунду ты скажешь мне, что тебя вообще не интересуют мужчины, и вот это будет совершеннейшей неправдой.

Максим посмотрел из-под лба как можно более выразительно. Соперник по татами, увидев такой взгляд, обычно подбирался и занимал защитную стойку, но Густав бойцом не был и, похоже, не до конца понимал всю степени опасности, когда делал подобные заявления.

- С чего вы взяли? - сердито буркнул Максим.

- Я видел, как ты смотришь на своего наставника. Назар... Так, кажется, его зовут?

- Назар Григорьевич, - сразу строго поправил его Максим, которого вдруг охватило липкое тошнотворное чувство тревоги, будто этот наглый бесцеремонный мужик действительно мог что-то заметить и поставить ему это в вину. - Не знаю, что вы там увидели, но, по-моему, вы просто неправильно все поняли. Назар Григорьевич - мой учитель, и, возможно, я смотрел на него с некоторым восхищением, но лишь потому что он - человек, которого я безмерно уважаю и перед знаниями которого преклоняюсь, но не более... Но даже если бы чисто теоретически что-то было... мне кажется, это не совсем ваше дело, кто и как на кого-то смотрит.

Заметив, как от зарождающегося гнева потемнели его глаза - красивого и необычного серого-голубого цвета, - Густав понимающе улыбнулся в ответ. Похоже, скрытой угрозы в напряженном взгляде Максима он просто не видел или не боялся ее, и время для прямого и недвусмысленного посыла начало стремительно приближаться.

- Не мое, конечно, - проронил Густав, переведя взгляд на проносящийся мимо них поток машин. - Но ты палишься с этими своими влюбленными взглядами так, что это заметно даже убежденным натуралам, не то что такому законченному гомосексуалу, как я... Знаешь, я отлично понимаю, что ты сейчас переживаешь. Думаю, что на данном этапе осознания собственной сексуальности тебе с каждым днем становится все труднее скрывать от других людей свои сокровенные желания.

Максим резко остановился и развернулся к Густаву всем корпусом. Замер, закаменевший от напряжения.

- А я думаю, что вы поступаете неразумно, бросая такие обвинения в лицо человеку, занимающемуся боевыми искусствами. Тем более тому, кого вы уже видели в деле, – прорычал он.

- Разве ж это обвинение? – беззаботно отмахнулся Густав. – Я ни в чем тебя не обвиняю. Ты волен сам решать, что делать с твоими чувствами. Я лишь хочу помочь тебе. Предложить то, чего не сможет дать тебе этот твой Назар. То, на что он никогда не пойдет.

- Откуда вы знаете, на что он пойдет, а на что нет? Почему вы так уверены, что он не может дать мне то, что я хочу? – на Максима накатило так, что он чуть не сорвался. Ударить этого беспардонного типа хотелось все сильнее, и только мысль о том, что Назар не одобрил бы подобного срыва, сдерживала его.

- Да потому, что он гетеросексуален до мозга костей, и его недавняя женитьба, о которой ты должно быть тоже прекрасно знаешь, со всей очевидностью доказывает это. Я знаю такой тип людей. Они всегда поступают по совести. Он бы не женился, если бы не любил свою жену. Такие, как он, делают лишь то, что велит им их сердце. Но тебе ведь от этого не легче, так ведь?

Максима как будто подлым ударом поддых огрели. Он задохнулся, услышав эти безжалостные в своей правдивости слова. Конечно, он знал, что Назар недавно женился, и это знание причиняло ему постоянную, незатухающую ни на миг боль, но лишнее напоминание из уст совершенно постороннего ему человека мгновенно разожгло эту глухую боль до невероятных размеров.

- Это. Не. Ваше. Дело, – прошипел он, из последних сил сдерживая свою ярость. И тут же резко развернулся и пошагал дальше.

Хотел бы бежать от этого неприятного человека сломя голову, от того, что тот еще мог бы сказать ему. От того, что Максим не хотел слышать. Но позорное бегство обернулось бы для него полнейшим поражением в борьбе за собственную любовь, а он еще не был готов окончательно сдаться.

Но Густав не отставал. Без видимых усилий шел за ним и даже голоса не понижал, продолжая излагать слишком очевидную и такую откровенную истину. Максим был рад тому, что их сторона улицы оказалась безлюдна. Его щеки уже заметно пылали от стыда и унижения.

- Ты молод, и твое тело нуждается в регулярном сексе, – говорил Густав. – От того, кого ты любишь, ты его не получишь и будешь мучиться с собственной неудовлетворенностью до тех пор, пока от отчаяния не трахнешься с первым встречным. И еще неизвестно, к каким последствиям может привести этот поступок.

- Какая вам разница, с кем я буду трахаться? Вы что мне, отец? – не оборачиваясь, огрызнулся Максим.

- Ты красив, силен и не лишен ума... И мне будет искренне жаль, если ты растратишь все это на недостойных тебя людей.

- А себя-то вы считаете достойным! – съязвил Максим.

На глаза начали наворачиваться злые слезы, и он отворачивал лицо от Густава, не давая тому увидеть их. Все его мысли были лишь о том, как избавиться от этого навязчивого доброжелателя.

Густав начал замедлять шаг и, пройдя еще пару метров, Максим услышал ответ, брошенный ему в спину:

- Да, я считаю себя достойным. Я обещаю, что всегда буду с тобой предельно честен и не возьму больше, чем ты сам будешь готов мне дать. Да и сам подумай: даже если бы у тебя возник когда-либо шанс на то, что учитель примет твои чувства, неужели ты хочешь предстать перед ним совершенно неопытным и неподготовленным? Сопливым мальчишкой, который даже не знает, с какой стороны подойти к чужому члену? Думаю, к сему знаменательному дню тебе все же стоит хоть чему-то научиться, прежде чем ты сможешь составить достойную конкуренцию его жене.

Максим снова, будто запнувшись, остановился и снова медленно развернулся к Густаву лицом. Тот тоже замер, не закончив шага и не приближаясь слишком близко. Спокойно вглядывался в искаженное злобой и страданием лицо Максима, но тот видел в его глазах что-то, отдаленно напоминающее тревогу.

- А вы, значит, можете научить меня всему, да? – желчно бросил Максим. – Что, куда и зачем? Показать, так сказать, все прелести небесной голубизны?

Густав откашлялся в кулак, прочищая горло, будто собирался держать ответ перед высшей инстанцией, и серьезно кивнул.

- У меня большой опыт, и я могу поделиться им с тобой. Научить тебя тому, как с толком использовать то, что дано тебе самой природой. Как самому получать удовольствие и дарить его другим. К тому же... Ты, кажется, сам, без протекции поступил в экономический на «финансы и аудит» и прилежно там учишься. Ты хороший умный парень, достойный того, чтобы стать со временем еще лучше. Знакомство со мной даст тебе шанс на это «лучше».

- Я не собираюсь быть чьим-то содержанцем, - тут же осадил его Максим. – Тем более вашим. Сколько вам вообще? Сорок? Сорок пять?

Густав польщено улыбнулся.

- Пятьдесят с небольшим, но спасибо за комплимент, - Максим громко фыркнул, намекая, куда именно Густав может себе засунуть такой «комплимент». - А я, знаешь ли, и не собираюсь тебя содержать. Красивых, но безмозглых альфонсов сейчас хоть пруд пруди, и они очень быстро надоедают. Нет, Максим. Мы будем очень плодотворно - в плане твоего обучения - проводить наши совместные вечера... И, если ты захочешь, ночи...

Максим раздраженно закатил глаза, но промолчал, не комментируя его выкладки, и Густав вкрадчивым тоном продолжил:

- Я поделюсь с тобой своим опытом в умении любить мужчин, а ты привнесешь в мою жизнь ноту новизны, легкости и неистощенности. Я дам тебе возможность изучать финансы не только в теории, но и на практике, а ты - в благодарность - будешь поддерживать меня дельным, незашоренным предыдущим жизненным опытом советом. Один получит ровно столько, сколько получит другой. Ни больше, ни меньше.

- Для вас это такой себе новый способ развлечься в вашей скучной устаканенной жизни? – поинтересовался Максим. – Подобрать на улице неизвестно кого и играючи сделать из него человека.

- Я обещал быть откровенным с тобой, - кивнул Густав. – Поэтому - да! Ты прав, моя жизнь

действительно порой бывает слишком «устаканенной», но что ты теряешь? Ты не женщина, которую могут потом порицать за потерю невинности до свадьбы. Никто ничего не узнает, а ты сможешь раскрыть свои истинные потребности, не боясь быть осмеянным. Я говорю тебе очевидные вещи. Прислушайся к самому себе, и ты поймешь это.

Максим молчал. Блуждающим отрешенным взглядом смотрел на проносящиеся мимо авто.

То, что говорил этот человек, действительно было правдой. Максим и сам знал это все про себя, причем уже довольно давно, и был достаточно честен с самим собой, чтобы признать очевидное. Женщины его не привлекали. Мужчины, правда, тоже не все, но этот наглый самодовольный всезнающий тип... Максим перевел взгляд на Густава и оценивающе всмотрелся в его лицо.

- А не боитесь, что вас в педофилии обвинят? – с издевкой спросил он.

Густав снисходительно усмехнулся в ответ.

- Тебе уже исполнилось восемнадцать - я проверил, - и ты можешь спать с кем захочешь... А в моей среде молодые любовники - не новость.

Он опустил взгляд и посмотрел на собственные ухоженные сухощавые и немного узловатые ладони.

- Тебя так сильно смущает разница в возрасте? – негромко спросил он, бездумно потирая безымянный палец.

- Ну, я не знаю, еще скопытитесь на мне, чего доброго. Или... - Максим ехидно прищурился. - ...вы любите нестандартные расклады?

Густав довольно рассмеялся. Секундная неуверенность, которая показалась Максиму в этом неловком жесте, тут же испарилась без следа.

- В этом как раз я традиционен, - покачал головой Густав. - Не волнуйся! Обещаю, что буду очень осторожен и не разочарую тебя.

- Ну, раз вы обещаете... - протянул Максим, все еще усмехаясь и чувствуя, как горят щеки из-за этой откровенного разговора. - Я подумала над вашим предложением.

Густав удовлетворенно кивнул.

- Постой минуту, хорошо? - попросил он. Обернулся и махнул рукой.

Удивленный его жестом Максим только тогда заметил, что за ними все это время на некотором расстоянии, крадучись, следовало черное представительное авто. Когда Густав дал знак, оно подъехало ближе и остановилось прямо перед ними. Максим уже с опаской ожидал, что его пригласят прокатиться, но Густав лишь приоткрыл дверь салона, что-то взял и сразу вернулся к Максиму.

- Вот, моя визитка. Если надумаешь - звони, - он протянул Максиму маленький белый прямоугольник с позолоченным абстрактным рисунком по краю. Тот, поколебавшись, взял визитку, малодушно стараясь не соприкоснуться с Густавом пальцами. - Я ценю деловой подход, поэтому буду очень тебе признателен, если ты сообщишь мне о своем решении. В любом случае. Каким бы оно ни было.

Максим посмотрел в его светлые, должно быть выцветшие с возрастом глаза.

- Значит, у нас с вами будет деловое соглашение?

Густав кивнул.

- Да. Ты мне - я тебе.

- Тогда я позвоню,- серьезно кивнул Максим. - В любом случае.

- Отлично, - Густав бросил взгляд на часы. - Тогда хорошего тебе вечера, Максим. И я рад, что ты позволил мне так откровенно поговорить с тобой.

- Всего хорошего, - чувствуя все большее смущение и стараясь скрыть его, Максим кивнул, прощаясь с этим странным человеком, развернулся и, не оглядываясь, побрел дальше.

За его спиной раздался хлопок закрывшейся дверцы, а через полминуты черное авто пронеслось мимо, тихо шурша шинами, и Максим смотрел ему вслед до тех пор, пока оно не затерялось среди остальных машин.

==== Часть 2 =====

<center>***</center>

- Свободны. Дальше я сам!

Густав небрежно махнул рукой двум движущимся за ним по пятам охранникам и толкнул створки входной двери в стороны. Те, последовав его велению, распахнулись, открыв взору затемненный еще секунду назад, но тут же вспыхнувший огнями большой холл. Стоило лишь хозяину ступить на территорию собственного дома, как тот ожил, приветливо засияв хрусталем большой двухъярусной люстры. Обведя глазами помещение, Густав удовлетворенно усмехнулся и нетвердой походкой двинулся по одному из коридоров, ведущих в другие помещения. Прислуга этим вечером была отпущена домой пораньше, и в доме царил полнейшая тишина, но Густав знал, что ищет, поэтому шел прямо к своей цели. Дойдя до конца коридора, он скользнул пальцами по прохладной металлической ручке, усмехнувшись еще шире, надавил на нее и распахнул дверь собственной спальни.

И встретился взглядом с искрящимися озорным весельем серо-голубыми глазами. Обнаженный Максим, расслаблено закинув руки за голову, возлежал на широкой расстеленной кровати и наблюдал за застывшим на пороге хозяином дома.

Густав, как и всегда, когда видел своего молодого любовника в теплом рассеянном свете ночника, залюбовался совершенными формами его роскошного тренированного тела. За год, что они были знакомы, он успел изучить его досконально. Каждый четко очерченный мускул. Целый год он старательно изучал это отзывчивое тело руками, глазами, губами и языком, но все еще не мог наглядеться и натрогаться. Максим будил в нем нездоровое желание сожрать его целиком или втиснуться в него так глубоко, как только можно, чтобы проникнуть под эту гладкую загорелую кожу и слиться с ним в одно целое, чтоб уже никто и никогда не смог их разъединить.

Густав знал, что это за чувство. О нем ежедневно пели, говорили и слагали стихи тысячи, если не миллионы людей, но он сам испытывал его чуть ли не впервые за всю свою долгую, насыщенную встречами и расставаниями жизнь. Он знал симптомы, хоть и не испытывал их

раньше. Уже через пару месяцев, прошедших со дня знакомства с Максимом, он смог самостоятельно поставить себе диагноз и в долгих выматывающих размышлениях осознать, что, ища лишь развлечение от скуки, он умудрился сам себя загнать в ловушку и теперь не знал, как излечиться от этой опасной болезни.

Если быть до конца откровенным, он и не хотел излечиваться. Это чувство приносило ему больше боли, чем радости, но он уже сжился с этой болью и умело прятал ее от других, в совершенстве владея искусством держать лицо. Он даже задумывался о том, что, должно быть, это кто-то из недоброжелателей так своеобразно проклял его. Ведь это было сущим проклятием - познать искреннюю безответную любовь тогда, когда его жизнь все еще медленно, но уже неуклонно катилась к закату.

Боже, как же он умудрился так вляпаться. Наверно, надо было бросить все еще тогда, когда, хорошо подготовив Максима, он впервые взял его в безобразно романтической обстановке - на усыпанной лепестками роз постели в присутствии сотни свечей и откупоренной бутылки шампанского. Тогда Густаву хотелось именно этого. Тогда невинному и чистому до неприличия Максиму было нужно именно это, хоть он вначале и посмеивался над Густавом и его сентиментальностью. Но тот знал наверняка, что, кончая с громким криком меж его плотно сомкнутых губ, Максим испытывал глубокое удовлетворение от свершившегося в ту ночь таинства. Тогда Густав не смог вовремя отстраниться и предоставить этого пылкого и бескорыстного мальчика его судьбе. А потом было уже поздно.

Заметив его колебания, Максим понимающе ухмыльнулся и одним плавным движением перетек с кровати на пол. Выпрямил гибкую спину, развернул гордые плечи и с чарующей усмешкой на губах поплыл к Густаву, ступая босыми ногами по мягкому бежевому ковру, чей высокий ворс жадно облизывал его длинные пальцы. Засмотревшийся Густав в этот момент остро завидовал и ревновал к этой дорогой пушистой тряпке. Ему хотелось и самому лизать эти пальцы, скользить языком меж ними и слышать тихий стон наслаждения из этих иронично изогнутых губ.

- Как прошел праздник? - Максим приблизился легкими шагами и положил ладони Густаву на плечи. Потеребил его туго, как удавка, затянутый галстук и медленно потянул узел вниз, избавляя от этого удушающего захвата.

- Как все юбилеи, - отмахнулся Густав. - Шумно и скучно, - и тут же во внезапном пьяном откровении признался: - Мне сильно тебя не хватало.

Максим сочувствующе покачал головой. Его темные волнистые волосы скользнули по лицу, лаская лоб, еще не знавший морщин.

- Ты же знаешь, что это было бы... Неуместно, - заметил он.

- Возможно, - согласился Густав, потянувшись к его лицу и погрузив пальцы в эти шелковистые волны. - Но ты знаешь... Все эти люди - заискивающие родственники, хваткие деловые партнеры и жадные до моего внимания друзья... Все они целый вечер неимоверно раздражали меня. Просто бесили своей беззастенчивой и лживой лестью. А на самом деле я хотел бы провести этот день с тобой. Только вдвоем - ты и я.

- Это в тебе сейчас алкоголь говорит, - улыбка Максима чуть подувяла, и он, отбросив игривость, говорил уже серьезно. - Когда протрезвеешь, ты еще пожалеешь об этих словах.

Он продолжал неспешно раздевать Густава. Пока они говорили, он уже успел снять с него пиджак и теперь сноровисто расстегивал пуговицы рубашки. Отметив его серьезный тон,

Густав качнулся вперед и обхватил Максима за талию, тесно прижал к себе и спрятал лицо в его волосах.

- Я не пожалею, - прошептал он. Потерся кончиком носа о шею Максима, чувствуя, как его нежная кожа нагревается от чужого дыхания.

- Пожалеешь, - проронил Максим.

Легко поцеловал Густава в обнажившееся из под рубашки плечо и продолжил:

- Ты же хладнокровный бизнесмен, а не романтичная девица. Тебе бы головы подчиненных долой сечь и конкурентов банкротить, а не мечтать о вечных любовях. Вот ты сейчас наговоришь мне кучу всякой милой чуши, а потом будешь отнекиваться. Мол, ни хрена, никому я ни в чем не признавался. Пусть сначала докажут. В суде и с адвокатом.

Густав сжал объятия сильнее, чувствуя, что Максим пытается ускользнуть. Поцеловал в скулу и прошептал на ухо:

- Откуда в тебе столько прямоты и честности? Разве этому я тебя учил? Ты же видишь, что я сейчас веду себя, как пьяный слезливый старый идиот, так почему ты не воспользуешься этим? Ты мог бы сейчас просить у меня все, что захочешь, даже код моего банковского счета, и я с радостью сказал бы тебе его. Да что там! Ты мог бы вить из меня веревки, даже когда я трезв, и я шел бы у тебя на поводу.

Максим тихо вздохнул и, сдавшись, крепко обнял его в ответ.

- Мог бы, - негромко согласился он. - Но это нарушило бы наше деловое соглашение. Помнишь, Густав? Мы же с тобой договорились. Ты мне - я тебе. И не более. Так зачем ты толкаешь меня на нечестные поступки?

Потом Максим понизил голос и пробормотал ворчливо:

- К тому же, если б я украл у тебя деньги, мне пришлось бы потом скрываться от закона. Я, знаешь ли, еще не готов всю жизнь прожить в какой-то дыре, не высывая из нее носа. Ты гад, Густав. Ты знаешь это? Ты просто избаловал меня роскошью.

Густав отстранился и заглянул в серьезное лицо Максима. Улыбнулся и очень понадеялся, что тот примет блеск его глаз за последствия опьянения.

- А если я официально дам тебе деньги? - спросил он. - Передам их тебе по закону? Ты же, кажется, хотел начать свой бизнес после окончания университета...

Максим нахмурился.

- Не надо, Густав, - отрезал он. - Ты же знаешь, как я не люблю все эти разговоры. Если я возьму твои деньги, это лишит меня моей независимости. А я хочу быть свободным. От всех. Даже от тебя, - он досадливо цыкнул зубом. - Слушай, давай сейчас обойдемся без этого, а? Я пришел тебя поздравить, вон, даже подарок купил... (Хотя, думаю, мои подарки для тебя - что мусор!) А ты весь настрой портишь, - Максим махнул головой в сторону прикроватной тумбочки, на которой лежала небольшая перевязанная малиновой тонкой лентой коробочка. - Пойдем лучше в кровать... Ты устал. Я сделаю тебе расслабляющий массаж, если захочешь, еще выпьем за твоё здоровье, а может, даже... - Максим изменился в лице, снова засияв многообещающей улыбкой, и игриво провел пальцами по обнаженной груди Густава. - Если,

конечно, тебя твои гости не заездили.

Густав смотрел ему в лицо, пытаясь увидеть там хоть какое-то смятение. Хоть какой-то отклик на его нетрезвое признание, но Максим, как обычно, искренне и безмятежно улыбался. И, конечно, Густав не мог отказать ему в просьбе.

Он прошел к кровати, увлекая Максима за собой, и сел на край.

- Покажи, что ты купил мне, - попросил Густав, приобняв его за талию.

- Да, в общем-то, ничего особенного.

Улыбка Максим стала смущенной. Он взял коробочку и положил ее Густаву на колени.

- Я старался выбрать что-то такое, чтобы тебе понравилось, - пробормотал он, отводя взгляд. - Не бриллианты, конечно, но камешки так красиво блестели, что я решил выбрать именно его.

Густав медленно, смакуя момент, развязал ленточку, позволив ей соскользнуть на пол, и открыл коробку. В ней на атласном белом ложе покоился зажим для галстука. Серебряный со вставками черной эмали и тремя хорошо ограненными феанитами. Красивая вещица, пусть и недорогая.

У Максима всегда был утонченный вкус во всем - от вещей до ласк. Густав помнил, что стоило ему заставить не вылазящего до этого из джинсов Максима примерить качественно сшитый костюм, как тот не только быстро приуныл к ношению деловой одежды, но даже на их не предусматривающие официоз свидания начал появляться обряженный исключительно элегантно и по-взрослому. На незлобные подзуживания он всегда отвечал, что просто не хочет порочить репутацию Густава, дефилируя рядом с ним в своих дешевых базарных шмотках, но тот знал, что Максим и сам смог по достоинству оценить, насколько неотразимой делают его и без того эффектную внешность постоянный уход за собой и хорошо подобранная дорогая одежда.

- Не нравится? - разочаровано вздохнул Максим, видя, как он молча изучает эту тонкую блестящую полоску металла.

- Что ты! - покачал головой Густав. Притянул Максима к себе и благодарно поцеловал его в губы. - Это самый лучший из всех моих сегодняшних подарков. Спасибо.

Обрадованный его ответом Максим тут же с готовностью углубил поцелуй, как обычно заводясь с пол-оборота. Потянул Густава за собой вглубь разворошенной постели. Улегся на подушку и совсем чуть-чуть, так, чтобы жест не казался пошлым, но был явно приглашающим, раздвинул слегка согнутые в коленях ноги. Улыбнулся своей откровенной, чарующей улыбкой, блестя глазами в ожидании скорого наслаждения.

Забираясь на кровать следом за ним, ласково глядящий на любовника Густав с тоской вспомнил, как учил его улыбаться вне зависимости от того, что было на душе на самом деле. Держать лицо, как бы ни складывались обстоятельства. Научил, называется, на свою голову.

Ночь была очень долгой и до краев наполненной наслаждением. Максим был, как всегда, отзывчивым и податливым, жадным до ласк, бодрящей капельки боли и чужой безмерной любви. Каждый раз, когда его тело выгибалось в трепетном предчувствии приближающегося оргазма, Густав, затаив дыхание, ждал, что разнеженный, измученный наслаждением любовник на пике страсти пусть не прокричит, но хотя бы прошепчет, что любит, хотя бы даже

из благодарности за доставленное удовольствие. Но каждый раз его ожидания были тщетны.

Весь этот год, как и все предыдущие, Максим продолжал любить другого, ненавистного Густаву до глубины души человека и был непоколебимо верен этой своей безответной и бескорыстной любви. В его молодом сильном сердце уже не было места для кого-либо другого. Даже для больного от ревности, готового отдать ему всего себя Густава.

<center>***</center>

Попрощавшись с доставившим его домой водителем, Максим выбрался из машины и направился к своему парадному. Тело приятно ныло после долгого, изнуряющего, полного страсти постельного марафона, а в голове свободно гулял ветер, гоняя разрозненные мысли и не давая им закрепиться на одном месте.

- Все мозги вытрахал, юбиляр, – довольно хмыкнул Максим. – Хорошо, что сегодня воскресенье и можно спать хоть до вечера.

Лишь подойдя к ступенькам крыльца, он краем глаза заметил, что на лавочке у подъезда кто-то сидит. Этот кто-то начал подниматься с места, и Максим, моментально напрягшись, развернулся к нему лицом.

- Доброе утро, Максим.

Назар подошел. С легким беспокойством, проступившим морщинками вокруг прищурившихся глазах, заглянул в лицо, выискивая там то, что, похоже, сильно волновало его, и мгновенно смутившемуся Максиму показалось, что тот заглядывал ему прямо в самую душу.

Максим расслабился, но не до конца. Внезапный визит Назара стал для него полной неожиданностью. Тот, конечно, знал, где живет его ученик, но впервые за несколько лет приехал проведать его лично, и Максим не знал, чего от него ожидать.

- Добрый, Назар Григорьевич. А что вы тут делаете?

- Ты пропустил вчерашнюю тренировку, – негромко сообщил ему Назар, пристально глядя куда-то ниже подбородка Максима. – Не позвонил, и я подумал, может, что-то случилось. Вот и решил заехать.

Максим досадливо дернул уголком рта. Вчера он полдня бегал по магазинам, разыскивая подарок, потом тщательно подготавливал себя к свиданию, а вечером сразу поехал к Густаву и за своими заботами совершенно забыл про плановое занятие.

- Прошу прощения, Назар Григорьевич, – искренне попросил он. – У друга был день рождения, вот я и замотался. Забыл. Честно. Извините меня, пожалуйста.

Назар, как будто прикипевший взглядом к его шее, поджал губы и отвел глаза.

- Прощаю, – кивнул он. – Но в следующий раз просто предупреди меня заранее, чтобы я не волновался за тебя.

- Конечно! – радостно улыбнулся прощенный Максим. – Обещаю.

Ему было неловко. Назар сидел во дворе еще до его приезда и имел прекрасную возможность наблюдать, как сонливый Максим вылезал из машины. Рассмотрел, должно быть, и крутую

тачку, и водителя за ее рулем, и теперь мог начать задавать вопросы. А Максим был уже не в состоянии выдумывать правдоподобные ответы.

Врать Назару для него всегда было чертовски сложно. Тот вычислял ложь на раз, стоило лишь присмотреться к ученику повнимательнее, но не всегда демонстрировал собственную догадливость.

Но просто уйти Максим не мог. Они так редко общались наедине, что он физически не мог заставить свои ноги идти прочь от наставника. Ему казалось, что он чувствует тепло, исходящее от крупного, сильного тела Назара, что слышит, как спокойно и размерено бьется его сердце. Конечно же, это была иллюзия, но отказаться от нее и уйти для него было невозможно.

- Твой друг ездит на таких дорогих авто? – спросил Назар нейтральным тоном.

Он даже не смотрел на Максима – изучал глазами двор и соседние подъезды, но тому казалось, что наставник схватил его за горло и начинает медленно сжимать пальцы.

- Да, – нехотя кивнул он. – Это его машина.

- Не бедный, должно быть, молодой человек, – заметил Назар, снова кинув беглый взгляд на шею Максима.

Тот не выдержал и почесал кожу над ключицами. И начал догадываться, почему так заинтересовано смотрит туда Назар. Но проверить свои догадки он мог, лишь заглянув в зеркало.

- А возможно, он не так уж и молод, этот твой друг, – добавил, поразмыслив, наставник.

Максим вскинул голову и скрестился с ним взглядами. Морщинки вокруг глаз Назара вдруг стали намного заметнее, взгляд острее, а губы тверже, как из камня вытесаны.

- Он... старше меня, – не посмел отрицать Максим.

Назар мрачно глядел на него сверху вниз, и Максиму захотелось сжаться в комок. Скукожиться, как смятый лист, и тут же выложить все. Все, в чем он был виноват и в чем не был. В собственной неправильности, в собственной неспособности бороться с этой неправильностью. В том, что он уже год как всячески потакает ей и что Густав, как может, помогает ему в этом. Под мрачным взглядом наставника солнечный жаркий день для него вдруг посерел, утратив краски, и моментально подернулся инеем.

Назар умел, не произнося ни слова, лишь молчаливым укоряющим взглядом заставить его говорить правду. И, чтобы противостоять этому мощному безмолвному напору чужой воли, Максим через силу распрямил ссутулившиеся плечи, упрямо вскинул подбородок и тоже остро прищурил дерзкие глаза.

- Он действительно старше. И намного, – с кривой усмешкой бросил Максим. – Но разве это имеет значение для дружбы?

- Для дружбы? – тихо переспросил Назар, все еще глядя прямо в его полные наглости зрачки. – Для дружбы не имеет.

- Тогда в чем проблема? – возмутился Максим. – Бойтесь, что он испортит меня всяческими

богатеями излишествами?

Его несло, и он уже не мог остановиться. Отчаянно отбивал удары этих серьезных глаз и негромких слов. Чувствовал, как ноги едва заметно начинают дрожать от усталости и напряжения.

- Боюсь, - кивнул Назар. - Боюсь, что он воспользуется твоим доверием. Исковеркает, испачкает грязью твой дух. Сбьет с прямого и ясного пути. В твоём возрасте ведь так легко обмануться и повестись на лживые обещания.

Максим звонко расхохотался прямо в лицо Назару. Отмахнулся от его полных тревоги взглядов. Почувствовал, как они стекают с его кожи, освобождая от своего обжигающего виной жара и неподъемного, придавливающего к земле веса, с недоумением и досадой уходят под напором его откровенно насмешливой улыбки.

- Не бойтесь, Назар Григорьевич, - отсмеявшись, ласково ответил Максим. - Все равно вы уже опоздали с вашими предупреждениями. Я уже был неисправимо испорчен. Задолго до того, как познакомился с ним. Но... спасибо за заботу. Я ценю ее больше всего на свете. А теперь, Назар Григорьевич, я, пожалуй, лучше пойду. До свидания. Встретимся на тренировке, сэнсэй.

Максим отвернулся и сделал шаг к подъезду. Руку на уровне локтя буквально на миг обожгло тем самым теплом, которое чудилось ему в Назаре, но это тепло тут же схлынуло, будто опомнившись, и взопревшую кожу снова сковало холодом, аж мурашки по руке побежали. Максим не замедлил шага. Поднялся по лестнице, дернул на себя скрипящую дверь и скрылся в сыром сумраке подъезда. Спрятался от всего, что мог бы еще сказать ему Назар, если б все же осмелился схватить за руку. И от того, что он сам, сорвавшись, мог бы прокричать ему в ответ.

==== Часть 3 =====

<center>***</center>

Максим понятия не имел, что это за место. Густав привез его сюда для того, чтобы «немного развлечься», но Максим честно не представлял, чем можно развлекаться в подобном заведении. Игрой на клавесине? Кружением с прекрасной партнершей в стремительном и безудержном ритме вальса? Или же скучными светскими беседами о погоде и урожае виноградников?

Вывески или какого-либо другого опознавательного знака на входе в маленький, наверно, еще довоенный особняк не было. Но, попав внутрь, с первой же секунды своего визита Максим не переставлял удивляться богатству и изысканности его старинного интерьера, который вызывал у него мысли о каком-нибудь королевском дворце с его ослепительными парадными залами, но никак ни о довольно неприметном здании в старой части города.

И женщина, величаво плывущая по глади мраморного пола к ним с Густавом, должно быть, была настоящей королевой. Максим откровенно и беззастенчиво пялился на нее, как только она вышла в холл этого странного дома. Хорошо за тридцать. С тонкими чертами лица и великолепной осанкой. С красивыми женственными формами, затянутыми в облегающее платье персикового цвета. С уложенными в сложную прическу волосами, открывающими нежную длинную шею. Эта женщина была изумительна во всем, но добились Максима ее глаза насыщенного изумрудного цвета. Конечно, это могли быть контактные линзы, но, даже если и так, смотрелись они очень натурально и естественно, завершая ее королевский образ.

В холле они были не одни. Другие гости вальяжно прохаживались, постукивая каблуками по мрамору. Заходили в прилегающие к холлу комнаты и коридоры. И пока зеленоглазая незнакомка плыла сквозь толпу посетителей, она успела приветливой улыбкой и благосклонным кивком поздороваться с некоторыми из них, а кое-кому даже проронила пару слов. Но когда Густав протянул к ней обе ладони, она тут же восторженно ухватилась за них и, ослепив широкой белозубой улыбкой, воскликнула:

- Густав, дорогой мой, как же я рада тебя видеть!

Густав изобразил легкое смущение и некоторую светскую чопорность, но за этим безукоризненным фасадом Максим видел, что тот действительно рад встрече. Густав нежно взял в ладони тонкие женские пальцы с лепестками аккуратных недлинных ногтей и легко поцеловал их.

- Я тоже очень рад снова быть у тебя в гостях, Ро, – проронил он с улыбкой. - Каждый день думал о том, чтобы навестить тебя, но ты же знаешь - дела-дела! Все никак не мог вырваться.

Как только он выпустил ее руки, женщина шутливо шлепнула его кончиками пальцев по груди.

- Ты неисправимый льстец, Густав. И бессовестный лжец. Думаешь, я поверю твоим словам? В твоей жизни присутствует столько разнообразных занятий и увлечений, что тебе просто нет времени на то, чтобы посетить свою старую подругу.

Густав рассмеялся низким грудным смехом, каким обычно смеялся перед тем, как завлечь Максима в постель, и тот удивленно приподнял брови. Он никогда не видел Густава с женщиной и, если честно, не стремился копаться в его грязном белье и разузнавать о других любовниках, но, похоже, их что-то связывало с этой красоткой. И, возможно, эти отношения были не столь уж невинны.

Выслушав еще пару витиеватых комплиментов, женщина наконец-то обратила внимания на Максима. Как только ее взгляд остановился на нем, зеленые глаза удивленно расширились, а рот приоткрылся, изобразив изящную алую букву «о».

- Какой красавчик, - восхищенно воскликнула она, чуть ли не на весь зал. - Густав, он с тобой?

Ближайшие к ним гости начали заинтересованно оборачиваться, и Максим, как не держался, все же смутился и опустил глаза.

Густав улыбнулся так довольно, будто он был причастен к тому, каким уродился Максим. Хотя отчасти он тоже приложил руку к созданию его нынешнего облика. Максим был одет в деловой костюм, как и сам Густав. Его волосы были аккуратно уложены назад, открывая лицо и уши.

Поначалу, когда Густав почти силком затаскивал его в магазины деловой одежды, Максим, конечно, испытывал некоторые неудобства, когда одевал костюм. Пиджак казался ему стальной броней, а галстук - так вообще висельной петлей. Но сейчас, когда он свыкся с официозом, костюм стал для него будто второй кожей, настолько комфортно он себя в нем чувствовал. Теперь Максим был не против того, чтобы носить его регулярно, особенно когда это могло лишний раз порадовать Густава.

- Познакомься, Ро, это мой друг Максим. Максим - это Аврора, моя давняя приятельница.

- Очень приятно... - Максим чуть не брякнул «мадам», но вовремя заткнулся. В такой обстановке все эти великосветские обращения просились на язык сами собой.

Смело взял протянутую ему тонкую и слабую на вид белоснежную кисть и искренне клюнул губами пальчики. Кисть вдруг из слабой резко превратилась в сильную, вывернулась из захвата его пальцев и нежно, но крепко прихватила за подбородок.

- Какое... произведение искусства, - пробормотала Аврора, совершенно бесцеремонно чуть повернув его лицо в профиль. Максиму казалось, что она чувствует подушечками пальцев огонь, стремительным напалмом расплзающийся по его скулам. - Я бы на твоём месте, Густав, спрятала его подальше и никому не показывала.

Улыбка Густава была безмятежной.

- Я и не показываю всем, кому ни попадя. Только тебе, Ро.

- Так мне доверяешь? - нежная улыбка Авроры превратилась в хищный акулий оскал. - А что, если я уведу его у тебя?

Густав беспечно отмахнулся.

- Ро, у тебя, вон, целый гарем молодых мужчин. Зачем тебе еще один? Смилуйся над бедным мной и оставь хоть кого-то мне в пользование. К тому же... - Густав подмигнул Максиму. - Он совершенно не падок до женских прелестей.

- Это потому, что он еще не познакомился со мной поближе, - промурлыкала Аврора, заглядывая Максиму в глаза и с явным удовольствием наблюдая за его смятением. - Ну что ж, - она отпустила его подбородок и подхватила под локоть Густава. - Нечего стоять посреди прихожей. Пойдемте-ка в гостиную. Я жутко соскучилась по тебе, Густав, и, думаю, нам есть что обсудить.

Рука об руку они двинулись к закрытым дверям в глубине холла, которые тут же распахнули перед ними два услужливых молодых человека, одетых в одинаковые бледно-бирюзовые рубашки и черные брюки. Пришибленному новыми впечатлениями Максиму пришлось тащиться за ними следом, чтобы не затеряться в водовороте слоняющихся по холлу гостей.

Оказалось, что в гостиной дизайнеры все так же продолжили оформлять помещение в лучших традициях девятнадцатого века и позволили себе отойти от них лишь ради искусственного освещения. Но в душу Максима к тому времени уже закралось смутное подозрение, что таким этот особняк был с самого начала, и все эти драпированные шелком стены, хрустальные люстры и старинные диваны просто реставрировались, чтобы радовать гостей своим великолепием еще не одно столетие.

В этом зале было намного меньше людей. Должно быть, сюда пускали не всех, а лишь избранных гостей. Большая часть зала была пуста, и лишь в его дальнем углу расположилась на диванах веселая компания. Мужчины негромко общались друг с другом, иногда посмеиваясь над какими-то шутками, а расположившиеся рядом с ними девушки подливали вино в их пустеющие бокалы и иногда смеялись - мелодично и беззаботно, словно певчие птицы в райских садах.

Аврора завела своих гостей в противоположный угол зала, где стояло несколько ажурных декоративных ширм, обтянутых тончайшим расписным шелком и создающих иллюзию уединения. Опустилась на низкую оттоманку, накрытую расшитым люрексом покрывалом, а Густав облюбовал себе место на диване напротив нее. Похлопал ладонью рядом с собой, приглашая застывшего в нерешительности Максима присесть. Тот приземлился на диван, и Густав тут же взял его ладонь в свою. Переплел их пальцы и положил сцепленные в замок руки

на собственное колено. Аврора проследила за его жестом и снова удивленно округлила свой нежный рот.

- О-о-о! Густав, ты меня поражаешь... Столько лет держался и вдруг...

В этот момент распахнулась входная дверь, и в гостиную вошли два стройных невысоких парня. На них была уже знакомая Максиму одежда, состоящая из бирюзовой рубашки и облегающих бедра черных брюк. Ни галстуков, ни пиджаков на них не было, что явно указывало на то, что так выглядела униформа работников данного заведения. Они без промедления проследовали к углу, где расположились Аврора и ее гости. Один из парней молча сел рядом с хозяйкой – а, судя по манере распорядиться, Аврора была хозяйкой особняка, – второй же аккуратно втиснулся в кресло со стороны Густава и сразу же принялся наполнять расставленные на низком столике бокалы. Аврора так и не договорила то, что хотела сказать, лишь бросила на Максима задумчивый взгляд и подняла свой бокал.

- За знакомство, Максим! – провозгласила она. – Надеюсь, оно окажется приятным для нас обоих.

- Взаимно, – кивнул тот.

Звон бокалов эхом разлетелся по комнате, искусно граненое стекло заиграло бликами в рассеянном свете. Максим пригубил вино и посмотрел на Густава.

- Нравится? – улыбнувшись, спросил тот.

- Отличное вино, – кивнул Максим. – Сложный букет. Очень тонкий и, я бы даже сказал, пикантный, – улыбнулся Авроре. – Прекрасный выбор, Аврора. Благодарю.

- Ох, сразу видно, у кого ты учишься изящным манерам, – рассмеялась та и сообщила, доверительно понизив голос: – Густав, даже если будет пить кислятину, все равно умудрится превознести ее до небес на радость хозяевам. И пожалуйста, зови меня «Ро». Я хочу, чтобы мы стали друзьями, а в дружбе нет места формальностям.

- Как скажешь... Ро, – согласно кивнул Максим.

Прислуживающие им парни снова без напоминания наполнили бокалы. Компания в другом конце комнаты разразилась громким смехом. Максим бросил туда беглый взгляд и тут же стыдливо отвернулся, но его глаза успели мимолетно отметить то, как крепко обнимал один из гостей за талию сидящую рядом девушку, и то, как другой страстно целовал шею своей спутницы.

Кажется, назначение этого места начинало проясняться. И тут же перед Максимом встал резонный вопрос: зачем Густав пригласил его сюда? Умом он понимал, что когда-нибудь тот пресытится им и пойдет искать что-то новое. «Новизну», как сказал ему Густав при знакомстве. Но зачем тогда втягивать его в эти поиски?

Как ни странно, разочарования эта мысль не вызвала. Да, они встречались больше года, и Максим уже привык к своему первому и пока что единственному любовнику, но не испытывал по поводу нового оборота событий каких-либо сильных переживаний. Если не считать легкого недоумения и такой же легкой досады, он оставался совершенно спокоен. Все шло так, как и должно было идти.

- Что-то не так?

Максим очнулся, когда Густав чуть сильнее сжал пальцы, накрывающие его ладонь. Поднял взгляд на любовника и улыбнулся.

- Все нормально. Просто задумался.

Густав еще несколько мгновений пытливно вглядывался в его глаза, пытаясь прочесть в них отголоски отвлекающих мыслей, но Максим уже научился прятать их, и вряд ли тот заметил что-то, кроме обычного добродушия.

- Как там поживает твой бизнес? – спросила Аврора у Густава.

- Ты же знаешь, Ро, – пожал плечами тот. – В наши дни невозможно говорить о чем-то наверняка, но в данный момент он развивается более-менее успешно.

- Ты всегда умел действовать, не теряя здравого рассудка, и благодаря этому достиг таких высот. Правда, в конце концов оказалось, что ты тоже всего лишь человек... Не без слабостей, – Аврора чарующе улыбнулась Максиму. – Но не беспокойся. Эту великую тайну я, пожалуй, придержу при себе. Как и все остальные твои тайны.

- Ро, ты, наверно, знаешь уже все и обо всех в этом городе, – иронично заметил Густав. – Но меня тебе не обмануть. Я не сомневаюсь, что все наши сокровенные постыдные тайны четко разложены по полочкам в твоей симпатичной головке и будут храниться там до тех пор, пока ты не сможешь извлечь из них максимальную выгоду.

Аврора тут же рассыпала мелкий бисер звонкого смеха. Довольно хохотала, откидывая голову назад и показывая мелкие ровные зубки.

- Ты слишком хорошо меня знаешь, Густав, – отсмеявшись, Аврора уже без улыбки посмотрела на собеседника. – И я надеюсь, что ты тоже будешь хранить эту мою маленькую тайну. Так же надежно, как и я твою.

- Можешь в этом не сомневаться. Мы же давние приятели и умеем блюсти интересы близких нам людей, когда это необходимо, не так ли?

- Совершенно с тобой согласна.

Максим вполуха прислушивался к их воркованию, а сам от скуки украдкой рассматривал гостиную и парней, присутствующих при разговоре. Оба вели себя так, будто были глухими и слепыми. Занимались обслуживанием гостей, улыбались и даже отвечали на задаваемые им вопросы, но при этом создавалось впечатление, что они не понимают ни слова из того, что обсуждают Аврора и Густав. Наверно, в таких местах, как это, надолго задерживались лишь те, кто умел вовремя отвернуться и вовремя закрыть уши. Максим не был уверен, что сам смог бы оставаться таким же незаинтересованным в подобной ситуации. Он вообще был порой даже слишком любопытен. Но если бы не это любопытство, он никогда не согласился бы на предложение Густава и не попал бы в этот роскошный и, без сомнения, элитный бордель.

Тот парень, что сидел рядом с Густавом, был черноволос и тонок в кости. Максим привык видеть вокруг себя бойцов и спортсменов. Да и Густав, который в свой полтинник выглядел более подтянутым, чем многие знакомые Максиму молодые мужчины, спокойно мог составить им конкуренцию по части физического сложения. А этот парень был совсем иным. Его невозможно было представить на татами. Максим совсем не удивился бы, встретить он его с книжкой в руках среди пыльных стеллажей библиотеки.

Пока он рассматривал парня, тот заметил его интерес и смущенно улыбнулся в ответ. Опустил ресницы, будто испугался внимания Максима, но тут же снова вскинул их, и его взгляд, мгновенно преобразившись, стал уже более проникновенным и манящим. Немногие мужчины позволяли себе смотреть на Максима с такой откровенной заинтересованностью, и такое поведение незнакомцев все еще коробило его. И возбуждало. Во взгляде этого парня, который был, должно быть, не старше самого Максима, горело ровным пламенем неприкрытое желание, которого тот еще ни разу не наблюдал ни в одном из своих сверстников. Буйное воображение сразу же нарисовало ему, как увлекательно было бы дотронуться пальцами до гладкой кожи этого бледного лица, коснуться губами этих нежных, чуть капризных губ и, расстегнув пуговицы бирюзовой рубашки, сжать в объятьях спрятанное под тонкой тканью молодое тело. Максим сразу же смутился собственными разнузданными мыслями и первым отвел взгляд.

Густав тоже смотрел на него. Максим заметил это, когда обернулся к примолкнувшим собеседникам. Все тот же внимательный понимающий взгляд. Максим уже давно привык к нему и не опасался последствий, к которым могло привести столь пристальное внимание любовника. Когда Густав смотрел так сосредоточенно, это означало, что он что-то просчитывал для себя. К добру или к худу вели эти его расчеты - Максиму было откровенно все равно. Он честно выполнял свою часть их устного, нигде не записанного соглашения. Он не был связан с Густавом ничем, кроме постели, и его это вполне устраивало.

- Густав, по-моему, Максим немного заскучал в нашем обществе, - улыбнулась Аврора, прервав их минутное молчание. - Пусть немного пройдет. Развеемся, пообщаемся с молодежью. Сашенька, будь так любезен, покажи нашему гостю другие залы.

Темноволосый парнишка тут же с готовностью поднялся и бросил вопросительный взгляд на Максима. Нескрываемый интерес в его глазах так и не пропал. Даже наоборот, разгорелся еще сильнее. Максим в свою очередь так же вопросительно посмотрел на Густава.

- Я не уверен, что мне стоит это делать, - проронил он. - Я ведь пришел с тобой. И ты...

- Иди, Максим, - прервал его Густав и медленно расплел их все еще сцепленные в замок пальцы. Аккуратно положил руку Максима ему на бедро. - Иди. Нам надо кое-что обсудить с Ро. Тебе будет скучно с нами, а в этом доме можно увидеть еще много чего интересного.

- Ну, раз ты так говоришь, - с сомнением пробормотал Максим и поднялся. Кивнул Авроре и последовал за этим «Сашенькой». Тот едва заметно повиливал стройными бедрами при ходьбе, и Максиму все труднее было оторвать взгляд от его точеных плеч, узкой спины и тонкой талии.

<center>***</center>

- Не понимаю, - пробормотала Аврора, когда за парнями закрылась дверь. Густав все еще смотрел в ту сторону. Смотрел вслед ушедшему Максиму.

- Если ты действительно его любишь, почему привел сюда? Почему позволил уйти с нашим мальчиком?

- Есть вещи, которые я не могу дать ему сам... - Густав перевел на нее полный печали взгляд. - И если он не получит то, что ему нужно, из моих рук, рано или поздно он получит это из чужих.

Аврора досадливо хлопнула ладонью по острой коленке, скромно прикрытой длинным подолом платья.

- Тебе же больно, Густав. Я же прекрасно это вижу, - заметила она. - Неужели неведение о том, с кем он спит помимо тебя, страшнее этой боли? Я бы предпочла не знать.

- Вы - женщины - всегда стараетесь избежать лишних, тревожащих ваш рассудок знаний, - ответил Густав. - Предпочитаете закрывать глаза на правду, а не бороться с ней. Приспосабливание в вашей сути, Ро. Я же предпочту терпеть боль и знать, что он все еще принадлежит мне, пусть даже с некоторыми оговорками, чем мучиться от неопределенности.

- В твоей рассудительной ревности есть что-то мазохистское, - произнесла Аврора. - А ведь ты никогда не был к этому склонен... Ты изменился. Стал мягче и, как мне кажется, несчастнее. Мне жаль тебя, Густав.

- Не надо, Ро. Жалость - это последнее, что мне нужно.

- Неужели ты не можешь привязать его к себе? Пусть не чувствами, но деньгами? Я-то думала, ты уже владеешь этим навыком в совершенстве.

- К сожалению, в этот раз налаженная программа дала сбой. И вообще, с его появлением твердая почва ушла у меня из под ног и не спешит возвращаться.

- И что ты планируешь делать дальше? Он так молод, и, вкусив запретный плод, который ты сам же ему только что преподнес, он, возможно, вскоре передумает держаться с тобой за руки.

- Я живу лишь настоящим, Ро, - вздохнул Густав. - И не настолько глуп, чтобы планировать что-то дальше пары ближайших месяцев. Извини, что использую тебя и твое заведение для своих целей. Но это необходимо даже не столько ему, сколько мне самому.

Аврора отмахнулась.

- Для этого мы и существуем, дорогой. Для исполнения любых капризов наших клиентов. Если ты останешься доволен, то кто я такая, чтобы запрещать тебе или обижаться.

Они проговорили почти целый час. Вспоминали прошлое и лишь вскользь притрагивались к настоящему. Аврора умело отвлекала Густава от дурных мыслей, развеивала его печаль бодрящим потоком собственной заразительной веселости, и, когда Максим вернулся, тот даже улыбнулся ему вполне искреннее и сделал вид, что не замечает ни его порозовевших щек, ни слегка небрежной одежды, ни того, что Максим до конца вечера избегал прямо смотреть ему в глаза. Лишь в машине, когда они в полном молчании возвращались домой, Максим тяжело вздохнул, будто готовился броситься в омут, и тихо спросил:

- Зачем?

Густав вел машину и не смотрел на него, внимательно соблюдал все знаки, останавливался на светофорах и, только заехав во двор собственного дома, когда уже затих рокот двигателя, сказал, глядя в темноту ночи:

- Мне просто захотелось показать тебе другую сторону отношений между мужчинами. Чтобы ты испытал то же, что чувствую я, когда нахожусь в тебе. Я ведь обещал поделиться с тобой своим опытом. И я делюсь. Всем, чем могу.

- Но зачем делать это... Так? Почему ты не мог сразу меня предупредить, что задумал?

Густав посмотрел на Максима сквозь мрак салона. Тот выглядел по-детски обиженным и

сердитым. Злился на Густава за этот небольшой обман, и эта искренняя злость неизмеримо радовала последнего. Это значило, что Максим не стремился изменять ему и бросаться в объятия других мужчин. Пусть даже из-за собственной предельной честности, а не из-за ответной любви.

- Я не планировал этого. Сначала я просто хотел познакомить тебя с Ро, – ответил на укоряющий взгляд Густав. – На всякий случай. Чтобы у тебя были влиятельные знакомства. Да, Ро - хозяйка борделя, но она - очень влиятельная хозяйка борделя. И она очень хороший человек. И если со мной что-то случится...

- Не говори ерунды, – отрезал Максим. – Ты здоров, как бык. Меня, вон, заебываешь так, что я потом еле хожу, не говоря уже о том, чтобы нормально тренироваться.

Густав польщено усмехнулся, услышав неожиданный комплимент собственному темпераменту. В своей грубоватой искренности Максим умел ненамеренно сказануть так, что у него сразу поднималось настроение. Это было одно из тех качеств, за которые Густав полюбил его.

- Если со мной что-то случится... – продолжил он, несмотря на возмущенное сопение Максима. – То, что иногда случается с мужчинами в моем возрасте... Ты можешь всегда обратиться к ней. Она поможет. Если не деньгами, то дельным советом. Подружись с Ро. Глядишь, она очарует тебя настолько, что и ты захочешь чуть раздвинуть рамки собственной сексуальности и увлечься женщиной.

- Это вряд ли, – фыркнул Максим. – Но мысль насчет «раздвинуть рамки» интересная.

Густав рассмеялся.

- Ты всегда был не прочь поэкспериментировать. Это рвение я в тебе и ценю. Как, впрочем, и все остальное.

А помолчав, спросил:

- Тебе понравилось? – и тут же добавил. – Расскажи мне, не бойся. Я честно не обижусь. Мне просто очень интересно...

Максим смотрел на парадный вход особняка. Скользил взглядом по темным окнам.

- Да, – негромко признал он. – Мне понравилось. Он был такой нежный и хрупкий. Но такой горячий внутри. Казалось, сожмешь сильнее – и рассыплется, толкнешься глубже – и пробьешь насквозь. Сдерживаться было почти невозможно. Хотелось сжать его так, чтобы захрустели все косточки, быть в нем, как можно глубже и как можно дольше, – Максим хмыкнул. – Я, наверно, ему кучу синяков наставил, так тискал.

- Не волнуйся, – успокоил его Густав. – У Ро все парни и девушки опытные, хоть на первый взгляд этого и не скажешь, так что он привыкший к подобным страстям.

- Ты ведь испытываешь то же самое? – после небольшой паузы спросил Максим. – Когда ты со мной? Во мне!

- Да. Только еще во сто крат сильнее.

Максим рассеяно потер бровь.

- Спасибо, что позволил мне...

Густав притянул его к себе за плечо и коснулся губ поцелуем. Те были все еще чуть припухшие. Зацелованные. Максим никогда не считал нужным сдерживать свои желания, находясь наедине с любовником. И с тем мальчиком он тоже был жаден и неутомим.

- Пожалуйста, - прошептал Густав прямо в эти уже заласканные другим губы. - А теперь я хотел бы получить моральную компенсацию.

- Удивляюсь, что ты до сих пор держишься и не затребовал ее раньше, - лукаво усмехнулся Максим.

- Я умею терпеливо ждать своего часа. И люблю получать компенсацию в собственной удобной кровати. Единовременно и в полном объеме.

- Ну, тогда чего мы тут сидим? - подмигнул ему Максим. - Пошли уже искать эту твою удобную кровать. Так уж и быть, найду в себе силы постоять на коленях и полежать на подушках.

- О, мой милый! Боюсь, одним стоянием и лежанием ты не обойдешься, - предупредил его Густав.

- Не вопрос, - с готовностью согласился Максим, в предвкушении облизывая губы. - Могу еще растяжку, как у Ван Дамма, у стены продемонстрировать. Тебе понравится эта новая поза. Гарантирую.

Он открыл дверь авто и вышел в темноту. Густав прикрыл на мгновение глаза, давая невысказанной боли осесть на самое дно измученного ревностью сердца, а когда открыл, его взгляд снова был спокойным и уверенным, а на губах играла озорная улыбка. Максим все еще был рядом. И Густав был намерен удержать его любой ценой.

==== Часть 4 =====

<center>***</center>

Густав допоздна проверял смету на капитальный ремонт в спорткомплексе «Орион» и домой смог выбраться лишь к девяти вечера. Нужно было все проконтролировать лично, иначе ушлый Аркадий с заискивающими, полными подострастия глазками мог запросто за спиной у владельца припрятать себе в карман лишнюю сотню тысяч. Густав подумывал над тем, что было бы неплохо заменить его на более ответственного человека. Такого, который знал бы о спорте не только понаслышке и одновременно с этим хорошо разбирался в финансовых аспектах жизнедеятельности таких предприятий.

Спускаясь по лестнице на первый этаж, Густав с улыбкой размышлял о том, что был бы не прочь испытать Максима в деле, поручив ему негласный надзор за деятельностью местного управляющего и его хорошо прикормленной команды. Да, мальчику лишь недавно исполнилось двадцать один, но он уже неплохо разбирался в финансовой кухне «Рейнард Холдинг» - компании, чей контрольный пакет акций принадлежал Густаву - и часто давал очень дельные советы.

Густав всегда обсуждал с ним новые, еще не реализованные проекты и объекты своих будущих инвестиций. Ему нравилось наблюдать, как стремительно разгорался юношеский энтузиазм, стоило Густаву дать Максиму возможность использовать полученные в университете теоретические знания на практике. Он щедро предоставлял эту возможность каждый раз, как

только подворачивался подходящий случай. Увлеченный делом Максим мог до поздней ночи решать финансовые задачки и лишь по настоятельному приказу Густава нехотя плелся в постель, чтобы потом, уже при выключенном свете, еще с полчаса задавать интересующие его архиважные именно в этот момент вопросы. Густав ворчал, клал подушку на ухо и демонстративно поворачивался к Максиму спиной, но почти всегда потом принимал решения согласно выводам своего неугомонного любовника. И все это время чувствовал себя ваяющим прекрасную статую Пигмалионом. И очень надеялся, что когда-нибудь его Галатея привяжется к нему настолько, что уже никогда не сможет покинуть своего бесприсветно влюбленного скульптора.

Он спустился в пустынный, пахнувший свежей краской вестибюль и уже подходил к выходу, когда из густой тени скрывавшей стойку гардероба вышагнула статная фигура и приблизилась в несколько больших уверенных шагов.

- Густав Альбертович, я полагаю? - произнес низкий рокошующий голос.

Густав узнал его сразу, хоть и видел - первый и последний раз - почти три года назад. Лицо соперника в любви врезалось в его память так отчетливо, будто он длительное время всматривался в него, запоминая каждую черточку, прежде чем отвести взгляд.

- А вы, кажется... Назар Григорьевич, - Густав усмехнулся, скрывая за ироничной улыбкой собственное удивление и смутение. - Видел вас на соревнованиях в этом самом спорткомплексе. Ваши ученики, насколько я знаю, всегда занимали призовые места.

Складка меж бровей хмурого Назара немного разгладилась. Должно быть, он не ожидал, что Густав знает его. Но выражение его решительного мужественного лица не изменилось.

Густав рассматривал его с интересом. Хотел понять, что Максим нашел в этом человеке такого, чтобы так безоглядно влюбиться. Лицо Назара было грубовато, одежда проста и незамысловата, но Максиму, похоже, нравилась эта грубость и простота, хотя сам он благодаря влиянию Густава привык следить за своей внешностью и всегда выглядел безупречно элегантно. Как в одежде, так и без нее.

- Я хотел бы поговорить с вами, - произнес Назар.

Скрестил мощные руки на груди, и его литые мышцы тут же напряглись, проступая под рукавами рубашки. Его поза из относительно мирной резко превратилась в угрожающую. Было непонятно, делает ли он это специально, ведь Назар был профессиональным бойцом, да и просто довольно крупным мужчиной, и мог напугать одним своим видом, даже не желая этого.

- О чем же? - поинтересовался Густав, по достоинству оценив эту демонстрацию силы.

- О Максime, - не стал ходить вокруг да около Назар.

- О Максime, - протянул Густав. И тоже не стал сходу ничего отрицать. - И что же насчет Максима?

- Максим говорит, что вы дружите, но я считаю, что ваша заинтересованность предельно далека от понятия «дружбы».

Густав даже растерялся в первый момент и не знал, что сказать. Естественно, отношения между двадцатилетним парнем и пятидесятилетним зрелым мужчиной сложно было назвать «дружбой» даже на непредвзятый взгляд постороннего человека. А Назар не был для Максима

посторонним и, скорей всего, искренне волновался за него.

Ревность заворочалась ленивой змеей где-то на дне желудка, поползла по пищеводу, медленно подбираясь к горлу. Густав сглотнул, чтобы не дать ей выбраться из его уст ядом злых откровенных слов.

- Дружба или нет, но мы знаем друг друга уже довольно давно, – сказал он. - Ему нравится проводить со мной время, а мне нравится общаться с ним. Как с его стороны, так и с моей в этом нет ни капли материальной заинтересованности или насильственного принуждения. Поэтому я не вижу причин для вашего беспокойства.

- Значит, не видите причин?

- Нет. Абсолютно никаких.

Внезапно Назар придвинулся еще ближе. Его гневный взгляд просто испепелял Густава, и тот почти физически ощущал, как давит на плечи чужая сила. Похоже, Назар пытался подмять его под себя своей волей. Густав чувствовал его пока что умело подавляемую ярость, но не отступил ни на шаг. Кем бы он был сейчас, если бы позволил какому-то бойцу напугать себя. Пусть даже тот был смертельно опасен.

- Он практически не ходит на тренировки и не появляется дома, – начал перечислять Назар. - Его родители волнуются, потому что не видят сына по несколько дней и он не говорит им, где и с кем проводит эти дни и ночи. Но они заметили, что он ходит в одежде, которую просто не в состоянии купить себе сам на мизерную студенческую стипендию и часто его подвозят на очень дорогой машине. Вашей машине... Они не знают, что происходит, и готовы уже чуть ли не в милицию бежать... А я знаю! Но не могу сказать им.

- И что я должен делать со всем этим? – Густав понимал, что дразнит сейчас свирепого медведя, но не мог отступить. Не мог уступить ему Максима.

- Оставьте мальчика в покое! – приказал ему Назар тоном, не терпящим возражений.

Густав улыбнулся. Не насмешливо. Предупреждающе. Ему начинала нравиться эта их бескровная дуэль. Пока что бескровная битва убийственных взглядов, многозначительных улыбок и резких слов. Мало кто осмеливался так открыто и бесстрашно выступать против него, не имея за спиной надежной защиты, предоставляемой высоким статусом, большими деньгами и полезными знакомствами. С радостным предвкушением скорой схватки Густав ощущал, как начинает на повышенных оборотах биться его сердце, и как захлестывает, вызывая приятную дрожь в мышцах, давно позабытый им юношеский азарт.

- Почему я должен оставлять его в покое? – спокойно спросил он. - Он сам желает быть со мной рядом. Я ни к чему его не принуждаю.

Назар заиграл желваками, а Густав, видя его нарастающее раздражение, суицидально продолжал говорить:

- И он уже давно не «мальчик». Он взрослый. Настоящий мужчина. И я считаю, что ни вы, ни его родители не вправе решать за него, как жить. Так что оставьте ваш приказной тон, которому здесь совершенно не место. И не смейте угрожать мне. Я не боюсь ваших угроз.

Рука Назара молниеносно метнулась вперед и поймала Густава за узел галстука, прихватив заодно и воротник рубашки. Сильные пальцы стиснули ткань так сильно, что та передавила

горло, и Густав начал постепенно задышаться. Но, даже не имея возможности вдохнуть полной грудью, он упрямо сжимал губы и с вызовом смотрел Назару в глаза.

- Если я узнаю, что вы причинили ему вред... - глухо произнес Назар. - Вас не спасут ни ваши деньги, ни ваши телохранители.

Несмотря на то, что его лицо уже начало бледнеть от недостатка кислорода, Густав ослепительно улыбнулся в ответ, и обескураженный его улыбкой Назар будто одумался. Выпустил из рук ворот измятой рубашки и отступил назад. Густав закашлялся, получив наконец возможность сделать вдох. Кислород, устремившийся живительным потоком в легкие, обжег сухое передавленное горло.

- Насчет этого можете не волноваться, - бросил он, когда смог говорить без сипения. - На самом деле, я очень привязался к Максиму и никому не позволил бы причинить ему вред. Даже себе. Так что пусть его родители не волнуются и спят спокойно. Я не дам их сына в обиду. У вас же уже есть та, о ком вам стоит заботиться прежде всего. А заботу о вашем ученике предоставьте мне. Вы отнюдь не глупы и, должно быть, заметили особое отношение к вам Максима. Но не проявили к нему должного внимания. И, чтоб вы знали, Назар, я искренне рад, что вы остались безучастны в данном вопросе. Я же в полной мере даю ему то, что вы в свое время не смогли и не захотели ему дать. Так что претензии лично с вашей стороны я считаю необоснованными.

В глазах Назара проскользнуло что-то неуловимое. Скорей всего, запоздалое сожаление, а возможно, даже отголосок застарелой боли. Густав проглотил победную ухмылку, хотя ему очень хотелось продемонстрировать ее не только получившему отпор сопернику, но и всему миру. Похоже, от этого разговора было больно им обоим, и он тут же мстительно пожелал, чтобы боль Назара была такой же сильной, как и его собственная.

- Ловлю вас на слове. В любом случае... Я вас предупредил.

Назар снова говорил негромко, спокойным тоном. Быстро справился с собой, оставив зловещую угрозу лишь в угрюмом неприязненном взгляде.

- И я запомню ваше предупреждение, - кивнул Густав.

- Максиму не обязательно знать о нашем разговоре, - холодно добавил Назар.

- Конечно, - покладисто согласился Густав. - Ему и без нас есть чем занять свою умную голову. Как я уже говорил, не беспокойтесь. Я о нем позабочусь.

Назар испытующе смотрел на него еще с минуту, пытаясь разглядеть подвох, но, видимо, не нашел к чему придраться, поэтому развернулся к Густаву спиной и, не прощаясь, снова затерялся в тенях безлюдного вестибюля, ступая совершенно бесшумным шагом.

Густав выдохнул только тогда, когда тот окончательно пропал из виду, и толчком распахнул входные двери. Он не собирался ничего говорить Максиму, но намеревался сегодня же пригласить его к себе на ужин, обсудить модернизацию спорткомплекса и намекнуть на то, что хотел бы видеть его в составе аудиторской группы. И всю ночь потом лежать без сна, обнимая свой приз, слушая его сонное дыхание и тихо празднуя эту Пиррову победу.

<center>***</center>

Сидеть на твердой холодной лавке было, как всегда, неудобно. Максим ворочался, пытаясь

найти более-менее подходящее для его костлявого зада положение, и с тоской смотрел на новую группу учеников, заканчивающих тренировку.

Им было лет по четырнадцать. Как раз столько, сколько было самому Максиму, когда он впервые познакомился со своим новым, вторым по счету наставником, и полюбил его с первого же занятия. С первого взгляда.

Сложив руки на груди, Назар степенно вышагивал вдоль строя мальчишек и отдавал команды негромким, но хорошо поставленным голосом, а ребята старались изо всех сил, чтобы порадовать своего строгого сэнсэя.

Когда-то Максим тоже вот так старался. Урабатывался до невменяемого состояния лишь для того, чтобы получить еще одну скупую улыбку или хотя бы одобрительный кивок Назара. Его интерес уже тогда был немного не таким, как у остальных, но осознание этого пришло лишь через несколько лет, проведенных рядом с безмерно почитаемым и любимым наставником.

- Ямэ!(1) - приказал Назар и сразу оповестил учеников: - Занятие окончено.

Те, все, как один, расслабились, опустили плечи, согнули усталые спины колесом и поползли, еле переставляя ноги, в раздевалку. Максим даже усмехнулся, прекрасно понимая их состояние.

Столько воспоминаний. Столько памятных дней, проведенных в стенах этого зала. Он будет помнить их все. Беречь, как свое самое драгоценное тайное сокровище.

До следующей тренировки оставалось еще минут десять. Во взрослой группе, которая должна была тренироваться следующей, занимался и сам Максим. В обычный день он бы уже шел переодеваться, чтобы занять свое место в первом ряду как лучший ученик группы. Прямо напротив наставника. Но не в этот, наполненный воспоминаниями и сожалением день.

Отпустив учеников, Назар собрал разбросанный детьми спортивный инвентарь и начал раскладывать его по полкам стеллажа, готовясь к следующему занятию. Максим любил наблюдать за этим неспешным процессом. Всегда специально приходил пораньше, чтобы увидеть это.

Зазвонил старенький мобильник, лежащий на полке рядом с плечом Назара. Тот, поглядев на номер, поднес телефон к уху.

- Да, Нин!.. Да. Еще часа два, и буду выходить. Что купить?.. Хорошо. Забегу в гастроном, погляжу, что еще успею ухватить... И я тебя... Целую. Люблю.

Назар закончил говорить как раз тогда, когда ласковая улыбка без следа исчезла с лица Максима. Положил на полку последнюю снарядную перчатку и обернулся. И, судя по легкому удивлению, написанному на его лице, только тогда заметил, что в зале он не один.

- А ты чего не идешь переодеваться?

Максим одним приложенным усилием растянул губы и с кроткой улыбкой пожал печами.

- Наверно, потому, что сегодня я не собираюсь тренироваться.

- Что-то случилось? - осторожно спросил Назар.

Он вообще в последнее время разговаривал с Максимом предельно осторожно. Так, будто шел при этом по минному полю с завязанными глазами. Должно быть, наконец-то осознал, что Максим вырос и имел право на собственные тайны. Показывал, что не хочет нарушать границы и затрагивать личное. И с этой своей чрезвычайной деликатностью с каждым днем удалялся от ученика все дальше.

Показалось Максиму, или в этот день в голосе Назара обеспокоенности было больше, чем обычно? Наверно, тот уже что-то почувствовал своим просто таки звериным чутьем и теперь ненавязчиво пытался выяснить, что именно его так взволновало. Максим всегда восхищался этой способностью Назара предвидеть грядущие неприятности. Ему бы так.

Максим поднялся с лавки. Сделал пару вращательных движений плечами, чтобы размять затекшую спину, и добровольно пошел на собственную казнь.

Приблизился к Назару и остановился буквально в шаге от него. Тот замер настороженным зверем. В глазах его уже разливалась мутным половодьем неприкрытая тревога.

- Ничего не случилось, - сказал Максим.- Просто я больше не буду ходить на занятия.

- Почему? - нахмурился Назар.

- Я понял, что не хочу заниматься профессиональным спортом, - спокойно признался Максим. - Вы же знаете, что я доучиваюсь в экономическом и хотел бы, чтобы моя работа была связана с финансами.

- Но ты мог бы просто посещать занятия, чтобы не терять форму. Ты же столько сил положил на то, чтобы улучшить свои навыки и побеждать на соревнованиях. Неужели ты готов вот так бросить все, чему столько лет посвящал свою жизнь?

Максима поразила та горячность, с которой обычно невозмутимый Назар произносил это, пытаясь убедить ученика остаться. Если бы у этих слов были скрытые мотивы... Если бы, говоря это, Назар проявлял пусть неосознанный, но эгоизм, Максим бы с радостью остался, продолжая и дальше мучиться и наслаждаться своей больной самозабвенной любовью. Но тот говорил все это, заботясь лишь о благе самого Максима, но никак не о своем собственном, и этот естественный для Назара альтруизм был хуже всего остального.

- Мне предложили хорошую высокооплачиваемую работу. И, если я приму ее, у меня банально не будет времени на то, чтобы приходить на занятия. Мне очень жаль, Назар Григорьевич, но мне пришлось выбирать. И я выбрал.

Максим говорил все так же спокойно и рассудительно. С легким сожалением и мягкой улыбкой. Именно так, как и должен был бы прощаться со своим учителем повзрослевший, но бесконечно благодарный ученик.

Назар потемнел лицом. Его кулаки сжались, превратившись в два опасных орудия убийства. Максим чуть челюсть не уронил, увидев эту крайнюю степень гнева в исполнении наставника.

- Эту хорошую высокооплачиваемую работу предложил тот твой небедный друг? - холодно спросил Назар.

Максиму даже не пришлось изображать удивление. Оказывается, Назар все еще помнил тот утренний разговор и авто Густава, которое доставило чуть хмельного от выпитого вина и ласк Максима домой. А ведь уже года два прошло. Удивительно, насколько же далеко простиралась

забота Назара об учениках. Если бы не это «целую-люблю», услышанное Максимом буквально пару минут назад, он бы даже обрадовался, что у него появился пусть призрачный, но шанс заставить Назара ревновать. Как же ему хотелось в этот момент обмануться. Но Густав учил его отличать правду жизни от собственных фантазий и всегда стойко смотреть ей в глаза. Густав много чему толковому его научил.

- Он, - кивнул Максим. - Но это вполне легальная работа, связанная с финансовым аудитом. Как раз по моему профилю. Так разве имеет значение, кто мне ее предложил, если она хороша?

Ему казалось, что они снова вернулись в то утро, когда он застал Назара у своего подъезда. Когда доказывал ему, что тот не имеет права вмешиваться в его дела. Все повторялось, только теперь он уходил от Назара безвозвратно.

Назар вздохнул всей грудью, проводя знакомую Максиму успокаивающую дыхательную гимнастику. Медленно разжал кулаки и опустил плечи.

- Ты прав. Не имеет, - проронил он. - И я рад, что ты выбрал свой путь. Каким бы он ни был. Надеюсь он принесет тебе счастье.

- Я тоже очень на это надеюсь. Спасибо вам, Назар Григорьевич, за ваши наставления, - искренне поблагодарил Максим. - Я буду помнить их. Всегда. Хотя и не обещаю, что буду все время следовать им.

Назар отвернулся к стеллажу с инвентарем и начал рассеяно перебирать защитные накладки для рук. Складывал их то так, то этак, и никак не мог найти удовлетворяющее его положение. Максим с тоской наблюдал за его суетливыми, неловкими движениями, и ему было искренне жаль Назара. Он в очередной раз разочаровал своего учителя.

Открылась дверь, и в зал начали заходить переодетые в спортивную форму парни. Они почтительно здоровались с Назаром и с задорными улыбками кивали Максиму. Тот понял, что время вышло, и ему пора было уходить.

- До свидания, Назар Григорьевич, - тихо, так чтобы не слышали остальные, сказал Максим. - Приглашайте, когда наша школа будет выступать на соревнованиях. Я обязательно приду поболеть за вас.

Назар отвлекся от своего бессмысленного занятия и обернулся. Лицо его к тому времени снова приобрело то невозмутимое выражение, к которому привык Максим. Почти приобрело. Взгляд Назара оставался каким-то надломленным. Больным. Совсем не соответствующим привычному облику мудрого наставника.

- До свидания, Максим, - глухо ответил он. - Приходи в школу, когда захочешь. В любое время. Двери для тебя всегда будут открыты.

Максим в последний раз благодарно кивнул. Покидая зал под недоуменными взглядами учеников, он всей напряженной спиной чувствовал неподъемный вес и нестерпимый жар лишь одного единственного взгляда. Тяжелого удушливого взгляда Назара.

<center>***</center>

-Ты уже осмотрел спорткомплекс? Ты же знаешь, я в спорте не сильно разбираюсь. Много предстоит работы?

Густав усталым движением снял пиджак и аккуратно повесил его в шкаф. Развязанный галстук последовал туда же буквально через минуту.

- Ну, я еще тоже не настолько опытен, чтобы сходу сказать тебе точно, сколько предстоит работать. Но навскидку... Дохренища!

Максим лежал прямо на покрывале, которым еще несколько минут назад была идеально ровно застелена кровать. Его руки были раскинуты в стороны, а взгляд устремлен в потолок. Он как зашел, так и валялся, не сняв ни обуви, ни костюма. Видимо, не имел уже ни малейших сил на то, чтобы снять их. Туфли Максима немилосердно пачкали уличной пылью светлый ковер и свисающий с кровати край покрывала.

Густав приблизился к кровати, медленно расстегивая пуговицы рубашки. Присел рядом с Максимом на корточки и потянулся к этим бессовестным туфлям. Приподнял ногу и ловко развязал шнурок. Стянул обувь с одной ступни и так же спокойно взялся за вторую. Потом отнес туфли в шкаф, а обернувшись, заметил, что Максим удивленно на него смотрит.

- Ты ходишь в уличной обуви по ковру, - невозмутимо отчитал его Густав. - Мало того, приперся в ней в спальню.

- Извини! - обезоруживающе улыбнулся Максим без малейшего следа раскаяния на лице. Подтянулся и забрался на кровать с ногами.

Густав хмыкнул. Снова сел рядом с ним и начал раздевать. Крутил, как неваляшку, туда-сюда, пока не освободил Максима сначала от пиджака, а потом и от брюк. Затем положил ровно и взялся за галстук и рубашку. Максим с лукавой усмешкой наблюдал за ним, не предпринимая никаких действий. Ставив с расслабленного тела рубашку и носки, Густав оставил Максима в одних трусах и, покопавшись в шкафу, извлек свой банный халат. Бросил его Максиму.

- Когда ты уже принесешь себе смену одежды? - ворчливо спросил он. - Или прикажешь мне самому купить ее для тебя?

- Ты намекаешь, что мне стоит занять здесь дополнительный комплект чистого белья? - поинтересовался Максим, накрывшись халатом, как одеялом, вместо того чтобы одеть его. Подтянул длинные ноги так, чтобы они полностью скрылись под плотной тканью, и превратился в один компактный махровый холм.

- Я намекаю, что тебе уже давно пора это сделать. И не только белье. Собственный домашний костюм тебе бы тоже не помешал.

- А так же щетка и бритва, - мурлыкнул Максим и потерся носом о ворот халата. Тот неуловимо пах Густавом.

- И это тоже, - согласился Густав.

Лег рядом с ним и уставился в потолок.

- Раз мы сегодня оба устали и никуда не идем, давай закажем ужин на дом, - предложил Максим.

- Закажи, - кивнул Густав.

Разомлевший от тепла и уюта Максим не шевельнул и пальцем. Зато язык его, похоже,

чувствовал себя намного бодрее хозяина.

- Я ушел из спортивной секции. Насовсем.

Густав перевернулся на бок, подложил руку под голову и стал смотреть на Максима. Тот, судя по равнодушному тону, был очень расстроен. Благо, он не смотрел на Густава и не видел, каким торжеством горели его глаза в этот момент. Максим правильно истолковал бы этот огонь, и Густаву было бы стыдно за это неуместное эгоистичное ликование.

- Почему?

- И ты туда же, - проворчал Максим. - Знаешь... Вырос я уже из всего этого. Философии идеальных твердолобых воинов теперь не кажутся мне такими уж мудрыми, какими казались прежде. Да и насчет работы я тебе не соврал. Ее действительно будет дофига. И даже больше. Боюсь мне с тобой спать будет некогда, не то что спортом заниматься.

- Ты можешь отказаться. Я не обижусь, - сказал Густав. И тут же уточнил: - Отказаться от работы, я имею в виду. Не от того, чтобы спать со мной.

Максим тоже лег на бок и смотрел на Густава с возмущением.

- Ты что, шутишь? Это же мое первое серьезное дело. Как я могу отказаться? Мне уже давно пора переходить от теоретических выкладок к практике. Ты так не считаешь?

Густав улыбнулся.

- Считаю. Ты хороший аналитик и будешь хорошим аудитором, а, возможно, в будущем и хорошим управленцем.

Он подгрел закопавшегося под халат Максима к себе и положил его голову на свое плечо. Вдохнул запах его волос, состоящий из запаха самого Максима, вони тех сигарет, которые он курил тайком от Густава, и пыльной вечерней прохлады, принесенной с улицы.

- Рад, что ты выбрал... - прошептал он.

Рад, что ты выбрал меня. Нет. Этого он бы не произнес, но думать так было приятно. Возможно, не любовью и не деньгами, но заботой и доверием он постепенно привязывал к себе Максима. Эта мысль принесла ему тихое блаженное умиротворение. Наверно, это и называлось счастьем.

В желудке неприятно кольнуло, и Густав поморщился. Скорей всего, какое-то блюдо в ресторане, в котором он обедал днем, оказалось несвежим. Стоило выпить на ночь каких-нибудь таблеток, чтобы эти резкие спазмы прекратились и дали ему спокойно поспать.

- Так что будем есть на ужин? - пробормотал Максим куда-то ему в подмышку.

- Закажи себе что-нибудь из твоего любимого.

- А ты? - Максим приподнял голову, удивленно заглядывая в глаза.

Густав чмокнул его в уголок губ.

- А я, пожалуй, сегодня воздержусь. Живот крутит даже без китайской еды на вынос.

Максим положил ладонь ему на живот и начал поглаживать мягкими круговыми движениями. Этот нежный массаж действительно заставил боль утихнуть, и Густав благодарно поцеловал Максима теперь уже в нос.

- Посиди немного на диете, - ухмыльнувшись, посоветовал Максим. - Рис без соли и сухари тебе сейчас самое оно. Через пару дней живот пройдет, а ты станешь еще стройнее.

- Ты считаешь, что я толстый? - для порядка и совершенно не рассержено возмутился Густав.

Максим игриво провел пальцами по его боку, на котором не наблюдалось ни грамма жира.

- Нет, ты мне таким нравишься, - пробормотал он.

- Спасибо и на том.

Густав лег на спину, устроил голову Максима на своей груди и прикрыл глаза. Несмотря на спазмы в желудке, в этот день, как и во все последующие, он был по-настоящему счастлив.

1. Ямэ! - яп. стоп!

===== Часть 5 =====

<center>***</center>

- Вы к Густаву Альбертовичу?

Молодая симпатичная медсестричка улыбалась Максиму так, будто готова была провести ему полный медосмотр прямо в ближайшей к рецепции палате.

Еще бы. Тот, конечно, был донельзя затрахан работой, светил темными кругами под глазами, чуть похудел и осунулся от постоянной нервозности и недосыпа, но хороший костюм, модная обувь, дорогие аксессуары, стильная стрижка и взбодренное салонными косметическими процедурами лицо - все это необычайно красило его в глазах женской половины персонала больницы.

Ходил он сюда чуть ли не каждый день, и эта милая доброжелательная девушка, должно быть, уже вовсю нафантазировала себе роман с молодым бизнесменом с собой в главной роли. А чем еще ей было заниматься, когда она, умирая со скуки, сидела в одиночестве за своей стойкой в ожидании посетителей.

Максим не выпячивал свою ориентацию и при персонале больницы говорил с Густавом исключительно о бизнесе, что, видимо, и привело ко вполне ожидаемому результату.

- Да, да! - кивнул он, поудобнее перехватывая здоровенный букет. - К нему самому.

- Позвольте, я вас провожу, - обворожительно взмахнула ресницами девушка и, покачивая попкой, двинулась по коридору, вдоль которого тянулись двери одноместных палат.

Максиму ничего другого не оставалось, как идти за ней. За полгода он выучил этот коридор наизусть и мог бы пройти в палату Густава с закрытыми глазами, но приличия требовали терпеть ненужную ему помощь.

Он и раньше недолюбливал больницы, ведь попадал в них тогда, когда получал очередную серьезную травму, и эта травма надолго отрывала его от занятий в школе и лишала

возможности часто видется с Назаром. Теперь же он больницы просто ненавидел.

Медсестричка донесла себя до приоткрытой двери с нарисованной на ней цифрой «семь» и заглянула внутрь, проверяя готовность пациента к принятию гостей. Затем отошла в сторону и улыбнулась Максиму.

- Заходите, он не спит.

Выглядел Густав плохо. За эти полгода он, казалось, усох наполовину. Резко постарел, а его всегда горящие жизнью глаза потускнели из-за боли, которую Густав испытывал, несмотря на регулярный прием обезболивающего. Кожа его будто истончилась и стала совсем прозрачной. Пергаментной. И лицо светилось неживой восковой бледностью. Теперь он мало напоминал того интересного волевого мужчину, которого повстречал Максим одним летним вечером. Но он все еще был им.

Максим моргнул, стряхнув с ресниц всю накопившуюся за полгода усталость, и его глаза тут же заискрились весельем, а сжатые губы преобразились, украшенные беззаботной улыбкой.

- Привет! Вот проходил мимо! Дай, думаю, зайду, проведу тебя.

Он плотно прикрыл дверь прямо перед носом у любопытной медсестры и прошагал легким шагом к кровати. Аккуратно присел на краешек и положил букет на колени.

Густав улыбнулся в ответ бледными, почти бесцветными губами.

- Спасибо, что не забываешь и иногда заходишь, - хмыкнул он, прекрасно зная, что в больницу Максим ходил, как по графику. Даже тогда, когда пациент спал после бессонной, полной страданий ночи и не знал, что посетитель явился, чтобы лишний раз поправить ему одеяло. - Как дела на работе?

- Все отлично! - отчитался Максим. - Финдир и главбух воруют не больше положенного. Я, как цербер, ежедневно отслеживаю каждую копейку. Они, естественно, бузят и пытаются соблазнить меня на укрывание части доходов, но я пока держусь. Аудитор я или где? Мне даже пытались угрожать физической расправой, но ты ж сам понимаешь, что с моими навыками бояться мне особо нечего. И кстати, как ты смотришь на то, чтобы в следующем месяце провести в твоём спорткомплексе международные соревнования по карате?

Густав, все еще улыбаясь, утомленно прикрыл глаза. Наблюдая за ним, Максим чувствовал, как давно уже переваренный завтрак начинает подкатывать к горлу.

- Смотрю положительно. Раз ты этого хочешь, пусть проводят. Принесешь договор - я подпишу.

- Отлично! Я свяжусь завтра с организаторами.

- А насчет угроз... Поговори с моим эсбешником Алексеем. Он бывший военный и очень хороший специалист по части охраны. Мигом подберет тебе достойную команду. Негоже такому ценному сотруднику, как ты, самому кулаками махать.

- Обижаешь, Густав! Я бы и сам с удовольствием им рыла начистил, ну да ладно! Раз ты так за меня переживаешь, так и быть, поговорю с твоим Алексеем. Как мне ему представиться?

- Скажешь, что ты Максим, - просто ответил ему Густав.

Максим понимающе прищурился.

- Он знает про нас?

- Конечно, знает, Максим. Не думаешь же ты, что я прятал тебя все эти годы от собственной службы безопасности?

- Ну и ладно, - покладисто согласился тот. - Меньше будет вопросов.

Максим обвел глазами палату, вспомнил про цветы и, прихватив букет, пошел за вазой. Выкинул старый, уже порядком повядший букет из широкой фарфоровой, больше похожей на ведро вазы и, набрав чистую воду, вставил в нее новый. Полюбовался с полминуты на композицию и вернулся к кровати. Густав наблюдал за ним все это время. Часто прикрывал глаза, но Максим знал, что он смотрит.

- Сам как? - спросил он, усевшись.

Густав саркастически усмехнулся. Его скулы сделались такими резкими, что, сдавалось, еще немного и прорвут кожу. Максима начало подташнивать от страха. Держать лицо с каждым визитом становилось все сложнее.

- А ты как думаешь?

- А я стараюсь не думать, когда дело не касается работы, - честно заявил Максим. - Экономлю, знаешь ли, силы.

- И то правильно, - согласился Густав. - Врачи дают мне еще месяц. При оптимистичном раскладе.

Максим понял, что еще немного, и он сблюет на собственные идеально начищенные туфли.

- М-м-м! Ты же знаешь этих врачей, Густав. Они склонны к чрезмерному пессимизму. Выглядишь ты неплохо, так что, думаю, мы с тобой еще поборемся на нашей широкой кровати.

Густав поднял руку и коснулся его лица. Провел сухой горячей ладонью по колючей щеке, и Максим замолчал. Закрыв глаза, наслаждаясь той единственной лаской, которую они теперь могли себе позволить.

- Ты все еще считаешь меня достойным того, чтобы валять по кровати? - прошелестел Густав.

Похоже, силы покидали его, и Максиму пора было заканчивать свой визит.

- Конечно, - кивнул тот, накрыв слабеющую ладонь пальцами и прижав ее к своей щеке. - Ты же так и не дал мне ни разу тебе вставить. Думаю, это было бы упоительно - трахнуть собственного начальника.

- Ты всегда поражал меня своей неумной сексуальной фантазией, - восхитился Густав и серьезно кивнул. - И я подумаю над твоей идеей. А теперь хватит тут трещать без умолку. Я уже утомился от тебя, так что иди домой и хорошенько проспись перед новым рабочим днем.

- Работа! - застонал Максим. - Снова работа! Все время работа! Лучше б я кулаками продолжал махать, ей-богу!

- Иди-иди, лентяй, – легонько толкнул его в плечо Густав. – А на кого мне еще рассчитывать, как не на тебя? Дал, понимаешь ли, ему работу, перспективы, а он тут еще возмущается. Неблагодарный мальчишка.

- Кстати, да! – воскликнул Максим. Быстро наклонился к Густаву и осторожно, но крепко обнял. Ласково погладил ладонями проступающие острыми углами сквозь пижаму лопатки и бугорки позвонков. Забормотал в самое ухо: – Спасибо тебе, Густав. И за работу. И за перспективы... И за свободу, что ты дал мне. Люблю тебя.

- А уж как я тебя люблю, – вздохнул Густав, обнимая его в ответ. – Все, выметайся. Спать хочу.

Максим чмокнул его в сухие губы и легко поднялся. Открыв дверь, на глазах у подстерегающей его в коридоре медсестры послал Густаву горячий воздушный поцелуй.

- Спокойной ночи, Густав. Сладких снов.

<center>***</center>

Назар одел кожанку и погасил половину ламп в зале, когда услышал из коридора жуткий грохот. Следом за грохотом раздался громкий, но неразборчивый мат, и дверь в зал распахнулась.

Было видно, что Максим с трудом держался на ногах. Его стильный черный костюм был измят, а мелово-белая рубашка испачкана подозрительными пятнами. Максима пошатывало из стороны в сторону, и он был вынужден одной рукой держаться за дверной косяк, чтобы не упасть. Другая его рука крепко сжимала в кулаке горлышко пузатой почти пустой бутылки, на самом донышке которой колыхалась жидкость насыщенного медового цвета.

- А, Назар! – радостно взмахнул он бутылкой. – Я думал, ты уже ушел.

Удивленный поведением Максима Назар, поколебавшись, медленно двинулся к нему. Свесил расслабленные руки вдоль тела. Старался не спугнуть слишком резкими движениями вдребезги пьяного бывшего ученика.

- Я как раз закрывал зал, – мирно сказал он.

Максим вскинул голову, взметнув растрепанные волосы, и обвел помещение блуждающим взглядом. Назар заметил неестественную бледность и изможденность его лица и забеспокоился уже всерьез.

- А я вот вдруг вспомнил, что ты мне сказал в нашу последнюю встречу, – Максим сосредоточил взгляд на Назаре и улыбнулся. – Про то, что я могу прийти сюда в любое время, когда захочу, и про то, что двери для меня здесь всегда будут открыты. Ну и решил проверить.

- И как? Убедился?

Максим кивнул так рьяно, что, наверно, шейные позвонки хрустнули.

- Ага! Ты не поверишь! Действительно было открыто!

Назар подошел уже достаточно близко для того, чтобы успеть поймать Максима, если тот начнет заваливаться, и теперь пристально вглядывался в его пьяные глаза.

- Я рад тебя видеть, – сказал он. – Хорошо выглядишь.

- А уж я-то как рад! – осклабился Максим. – А выгляжу я паршиво, но спасибо за дилопа... Хм!.. Ди-пло-ма-тич-ность.

- Что?.. - Назар решил не ждать, когда он разродиться и спросил прямо. – У тебя что-то случилось?

- У меня? – удивился Максим. – Нет! Как видишь, жив-здоров. Слегка пьян, но легкое опьянение только красит мужчину.

- Почему ты в таком состоянии? Ты же никогда раньше не напивался.

Максим фыркнул.

- Так-то было раньше. А в таком состоянии я, потому что полдня сегодня проторчал на кладбище с кучей незнакомых мне лично людей, потом был на поминках, выслушивая соболезнования от сотрудников, которые меня терпеть не могут, и так устал от всего этого... А потом вдруг подумал: зайду-ка я к тебе и поделюсь новостью.

- Какой?

Улыбка мгновенно стекла с лица Максима, будто ее смыло серной кислотой, оставив вместо рта уродливо искривленный рубец. Максим весь разом обмяк, навалился плечом на стену. Назар сделал к нему еще один шаг.

- Можешь радоваться, - буркнул Максим еле слышно. – Он мертв.

- Кто?

Назар положил ладонь ему на плечо и придержал, чтобы Максим не сполз на пол окончательно. Тот был такой расслабленный и тяжелый, что ему пришлось напрячь руку.

- Кто-кто? – устало вздохнул Максим. – Густав. Тот друг, от которого ты был намерен меня оградить.

Пораженный его словами Назар молчал, а Максиму, видимо, была невыносима полная тишина, и он продолжил бормотать. Назар едва мог разобрать, что он там бубнил себе под нос.

- Представляешь! А ведь такой здоровый мужик был. Даже простудой никогда не болел, и вдруг на тебе!.. Онкология сейчас, конечно, многих в могилу сводит, но от него я такой подляны не ожидал. Честно!.. Всегда думал, что он скорее на мне загнетса от сердечного приступа без особых страданий, чем будет полгода валяться в больнице под капельницей и обезболивающим. А вот как все сложилось! Так что теперь я совершенно свободен. Как говориться, бери и пользуйся!

Максим сделал широкий приглашающий жест. Резко взмахнул рукой, в которой была зажата бутылка, и Назар не успел ее перехватить. Пустая тара звонко ударилась о косяк и рассыпалась осколками. Рука Максима окрасилась кровью, а его лицо Назар чудом успел прикрыть, загородив собой от легких, но острых игл. Осколки ударили его в спину и осыпались на пол, так и не пробив толстую кожу куртки.

Назар молча подгрел Максима к себе, подхватил на руки и отнес на лавку. Тот был слишком легким для своих стандартных девяноста килограммов веса, которые неизменно показывали весы перед соревнованиями. Пальцы Назара отчетливо нащупывали острые углы, которые

обычно даже не намечались в мускулистом теле бойца. Он усадил Максима, прислонив его спиной к стене, и пошел за аптечкой. Вернулся, когда Максим уже сидел, нахохлившись, и с недоумением разглядывал собственную руку. Кровь стекала по его ладони и мерной каплей падала на пол. Мат под его ногами почти весь заплыл бурым пятном, благодарно впитывая густую жидкость, и Назар понял, что его придется менять на новый.

Он присел на лавку и потянул руку Максима на себя.

- Дай посмотреть.

Осколков в ране не было. Наверно, вымылись вместе с кровью, или Максим умудрился порезаться оставшимся в его руке горлышком. Назар терпеливо промыл рану, убедился, что все не настолько плохо, чтобы пришлось зашивать, и начал аккуратно, но плотно накладывать бинт. Максим даже не шипел, когда он заливал рану спиртом, хотя ему должно было быть чертовски больно. Он вообще затих и не двигался, если того не требовал от него добровольный целитель. Когда с бинтом было покончено и Назар, утомленно откинувшись назад, сидел рядом с ним, Максим наконец поднял голову и посмотрел на наставника.

- Мне жаль, что он умер, - сказал Назар, заметив его пристальный взгляд. Максим, похоже, слегка протрезвел и теперь вел себя более осмысленно.

- Врешь ведь.

- Мне правда жаль. То, что он мне не нравился, не значило, что я желал ему смерти.

- Да, тут он и без твоих желаний сам справился.

- Максим... - Назар положил руку ему на плечо, останавливая этот поток сарказма. - Что я могу для тебя сделать? Как тебе помочь?

- Не знаю, - покачал головой тот. - Я еще ни разу не попадал в подобные ситуации. Я вообще не знаю, зачем сюда приперся. Как будто ты еще что-то можешь дать мне, кроме того, что уже дал.

Он многозначительно помахал заботливо перебинтованной рукой. Тогда Назар положил и вторую ладонь на плечо своего неприкаянного ученика и притянул его к себе. Максим уткнулся лбом ему в грудь и снова затих. Какое-то время не шевелился и почти не дышал, а потом издал тихий всхлип, как будто подавился воздухом, и его плечи начали мелко, конвульсивно подрагивать. Больше Назар не услышал от него ни звука.

Когда Максим перестал содрогаться и расслабился, шумно втянув воздух забитым носом, Назар накрыл ладонью растрепанный затылок и ласково погладил его. Максим поднял голову, заглядывая ему в лицо, и Назар увидел покрасневшие глаза и склеенные влагой ресницы, припухший нос и пересохшие губы.

- Все образуется, - тихо сказал он. - И ты снова найдешь свой путь.

Максим резко потянулся вперед и вжался губами в его губы. Обхватил ладонями за шею и закрыл заплаканные глаза. Целовал жадно, взахлеб. Так, будто сам собирался умереть в следующую минуту. Пытался проникнуть языком между плотно сомкнутых губ, но Назар не отвечал на эти отчаянные ласки. Застыл безответным мраморным изваянием. Был подобен статуе Будды - таким же беззлобным и невозмутимым. Осознав это, Максим резко отпрянул от него, вытирая рот рукавом.

Его взгляд преобразился, став злобным и вызывающим. Максим смотрел, как загнанный охотниками в ловушку волчонок. И оскалился тоже почти по-звериному. А затем откинулся спиной назад, поставив локти на лавку для лучшего упора, и медленно перекинул через нее ногу. Прогнулся в пояснице и раздвинул колени. С шальной многозначительной усмешкой облизал губы.

- Ты же сам спросил, чем мне помочь, - протянул он. - Так я тебе показал чем. Чем не способ успокоить страдающего от потери человека? Ты же всегда был таким чутким, Назар. Всегда знал, как утешить сопливого подростка мудрым советом и строгой лаской. Так помоги мне сейчас, а! Твоему бывшему ученику сейчас это очень нужно.

- Нет! - тихо ответил Назар, внимательно следя за ним глазами.

В нарочито расслабленном Максиме сейчас было что-то угрожающее, как будто он готов был броситься на него в любую минуту прямо из этого полулежачего положения.

- Не-е-ет? - насмешливо переспросил Максим. - Раз так, значит ты действительно мне больше не нужен. Ни твои гребаные премудрые советы, ни твоя блядская назойливая защита. Мне уже ничего от тебя не нужно, Назар! Боже, какое невъебенное облегчение!

- Максим, не надо! - попросил Назар.

- Что не надо? - вскинулся тот, мгновенно переходя на крик. - «Максим, не надо путаться со всякими старыми педрилами?» «Максим, не надо подставляться им ради карьерного роста?» Или «Максим, не надо сейчас вести себя, как распоследняя блядь?»

- Не надо унижать самого себя! - рявкнул Назар, не выдержав его крика.

- А-а-а! - довольно вздохнул Максим. - Я все же смог вывести тебя из равновесия. Наконец-то! Ну же, давай! Сорвись и наори на меня хоть раз. Избей меня, если захочется. Я же сильный, я выдержу. Ты сам мне так говорил на соревнованиях, помнишь? И ты всегда все знал обо мне. Но предпочитал держать глаза закрытыми. Ну, давай, Назар! - Максим еще шире раздвинул ноги и поманил его к себе. - Я просто жажду твоей злости.

- Нет! - покачал головой тот.

- Так и знал! - обреченно свесил голову Максим. - Мой невозмутимый самурай отказывает мне даже в такой ерунде.

Казалось, он отыгрывает какой-то спектакль. Назар еще больше убедился в этом, когда Максим уже через миг выглянул из под завесы своих волос с очередной саркастичной улыбочкой. И напрягся, готовый к его удару. Похоже, Максиму было настолько плохо, что у него начался нервный срыв и он переставал контролировать себя. Для бойца его класса это было сродни самоубийству.

- Хорошо твоей Нинке, - восхищенно вздохнул Максим. - За мужем, как за каменной стеной. И поебаться всегда есть с кем. А мне вот теперь нечем прикрыться. Да и вставить тоже некому. Даже ты мне отказываешь.

Назар метнулся вперед и ударил его по лицу раскрытой ладонью. Несильно и не опасно для жизни. Так, чтобы только привести в чувство. Темные волнистые пряди взметнулись, а на бледной щеке расцвел алый цветок. Когда Максим медленно повернул голову, открывая лицо, Назар с горечью увидел, что его глаза ненормально расширены, просто-таки распахнуты

настежь в нескрываемом восхищении, а его юркий язык часто и возбужденно облизывает сухие губы.

- А! Я понял! – кивнул Максим. - Самурайский кодекс советует стойко терпеть поцелуи от всяких влюбленных мудаков, но он категорически не терпит, когда эти самые мудаки обижают, пусть даже на словах, честных и порядочных женщин. Ну так я ведь и не самурай! Так что могу гнать на них столько, сколько позволяет мне моя совесть, – он рассеяно почесал горящую от удара щеку. - Но блин, Назар! Это было просто охуенно! Я почти кончил! Понимаю, что просить тебя повторить все это великолепиие, конечно же, бессмысленно, поэтому дальше я, пожалуй, справлюсь как-нибудь сам.

Он потянулся вперед, как подпернутая за ниточки марионетка, и сел ровно. Потом поднялся на ноги, покачнулся, но устоял. Тряхнул головой.

- Опа! Ты всегда умел отлично прочищать мне мозги. Надеюсь, обошлось без сотрясения. И теперь я трезв настолько, что смогу самостоятельно добраться до машины. Не волнуйся!.. - махнул он рукой, когда увидел, что Назар собирается подняться. - Я не совсем еще чокнутый. Вернее, чокнутый, но не настолько. Меня водитель Густава привез.

Тяжело ступая, Максим добрался до двери, задержался там, придерживаясь за стену. Не оборачиваясь, махнул рукой и растаял в темноте коридора. Назар сидел, чутко вслушиваясь в его неровные шаги, и поднялся лишь тогда, когда вдалеке хлопнула входная дверь. Посмотрел на пятно крови прямо под ногами, щелкнул выключателем, и зал погрузился в кромешную тьму.

<center>***</center>

- Далее... - лысоватый лупоглазый нотариус перелистнул страницу, поправил сползающие на кончик носа очки и монотонным, вгоняющим в сон голосом продолжил зачитывать завещание.

Невыспавшийся Максим сладко зевнул, не утруждая себя тем, чтобы прикрыть рот ладонью, и задумался, какого черта он вообще сидит в этом конференц-зале. Из отдела внутреннего аудита его пока не поперли - хотя, судя по многообещающим взглядам финдира, это было уже не за горами, - и работы за время его отсутствия могло накопиться столько, что пришлось бы пахать еще и все предстоящие выходные.

Сюда, в эту притихшую в хищном ожидании толпу обряженных в черное скорбных наследников, его заманил Алексей. Сказал, что Максим как аудитор и аналитик одной из компаний, прописанных в завещании, должен присутствовать при оглашении, чтобы в случае чего указать на несоответствие прописанных на бумаге и реальных цифр. Сам эсбэшник каменным истуканом сидел рядом с ним и пошевелился лишь раз, когда ловил за рукав пиджака пытавшегося ускользнуть Максима. Больше рыпаться тот не смел, но бдительный охранник никак не мог помешать ему немного вздремнуть прямо на этом самом месте. Поэтому, чтобы не тратить зря время, Максим прикрыл глаза и чуть сполз на сидении, располагаясь поудобнее.

- ...«и денежное содержание в размере сорока тысяч долларов ежегодно». Далее... «Мальцеву Максиму Александровичу я завещаю пятьдесят процентов моего контрольного пакета акций компании «Рейнард Холдинг», а также все права на владение спорткомплексом «Орион» и восемьсот тысяч долларов США с моего личного счета с прилагающимися к этой сумме процентами». Далее...

По залу прокатился изумленный ропот. Близкие и дальние родственники Густава, гордо

восседающие в первых рядах, озадачено оглядывались по сторонам, пытаясь распознать среди присутствующих здесь людей того наглеца, который был им совершенно незнаком, но зато успел захватить себе по завещанию чуть ли не третью часть всего наследства.

Сам же счастливчик, услышав оглашение собственного приговора, продолжал сидеть на стуле с остановившимся взглядом и широко распахнутым ртом.

- Вот видишь, - Алексей отмер во второй раз и усмехнулся Максиму. - Я же говорил, что надо проследить за правильным распределением наследства.

- Ты знал, - пробормотал Максим. - И ничего мне не сказал.

Алексей пожал своими каменными плечами.

- Не знал, но догадывался. Густав просил присмотреть за тобой, вот я и присматриваю. Хотя такого поворота событий я тоже не ожидал. Похоже, теперь ты мой начальник, парень.

Максим зажал рот ладонью. Стиснул пальцы так, что ногти впились в щеку. Заморгал часто. Потом склонил голову, скрывая глаза под отросшими прядями волос, и уронил на колени ставшую безвольной руку.

- Спасибо, Густав, - прошептал он едва слышно. - Спокойной ночи и сладких снов.